

Мария
Зайнueva

МОЙ БОЛЬШОЙ...
БОСС

Мария Зайцева

Мой большой... Босс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=697851490101

Аннотация

Он – большой.

Очень большой. Очень сильный. Очень... Взрослый. По сравнению с ним, я – мелкая и глупая. Он меня не замечает. А я его...

Друзья, это будет **ОЧЕНЬ ГОРЯЧАЯ ИСТОРИЯ** первой безумной любви! С цирком, цыганочкой с выходом и чудесами на виражах!

Содержание

Гость	4
Вечера в деревне	13
Принц на белом... то есть, черном байке	26
Чем принцессы платят за спасение	33
Поцелуй Темирхана	46
Без вины виновата	57
Шанс на новую жизнь	69
Москва	75
Встреча	84
Темирхан. Две ошибки Биг Босса	97
Новая работа	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Мой большой... Босс

Автор: Мария Зайцева

Гость

– Тебе чего, козочка?

Капли воды, прозрачные-прозрачные, катятся по смуглой коже. От шеи, по ключице. И ниже, по груди, заросшей черным волосом... А потом – к животу... И ниже, к...

– Эй! Ты чего тут делаешь?

Моргаю. Майка, мать твою! Приди в себя! Вотпрямщас! В себя! Мая!

Верхняя пуговица джинсов расстегнута... И пояс мокрый... Еще бы, ведро воды ледяной с колодца. Да на себя. С размаху. Ох...

– Да черт...

Ведро отброшено в сторону, идет ко мне. Приближается. Огромный. Ой... Руки, как моя талия, наверно... Если не шире. На плечо можно сесть и еще место останется...

– Ты чего замерла?

И голос... Ой... Не пугает, нет. Завораживает. Отдается в глубине тела дрожью, сладкой-сладкой, бьет по ногам, подгибая колени...

– Тебе плохо?

Да, мне плохо. Мне плохо! В глазах темно даже, так мне плохо...

Упасть не успеваю, подхватывает. И это – тройной удар просто по мне, мелкой и глупой! Потому что к визуальному прибавляется осязательное и обонятельное!

Он горячий. Кожа после ледяной воды холодная, а сам он – горячий! И пахнет чем-то терпким, звериным. Голова кружится. Все вокруг летит, все вокруг с ума сходит. Или это я с ума схожу?

Сошла. Точно сошла.

– Да черт!

Ругается, слышу досаду в голосе, несет меня куда-то... Пусть несет. Хорошо в его руках. Сладко. Все внутри замирает от неясного предвкушения... Чего-то. Я не знаю, чего, не понимаю просто.

В старом деревенском доме пахнет пылью, сухими травами и тем непередаваемым духом деревянного дома, в котором жили из поколения в поколение, семьями. Хорошо жили, дружно.

Кладет на кровать. Осторожно отводит волосы с лица. Я

ощущаю эти прикосновения ожогом, сумасшествием. Болью. Острой и нужной мне сейчас.

Открываю глаза. И не дышу. Не могу даже пошевелиться.

У него темные радужки. И черные зрачки. Так не бывает. Не бывает у людей таких темных глаз. Таких...

А он тоже смотрит. И, кажется, словно впервые видит меня. Словно совсем не ожидал, и теперь удивлен.

Тяжелые грубые пальцы, убирающие волосы с лица, останавливаются, а затем, помедлив, проходятся по щеке. Неожиданно легко и мягко. Трогают губы, послушно размыкающиеся под чужой властью.

Я заворожено слежу, как черные зрачки расширяются. Это особенно странно на совершенно не эмоциональном грубом лице.

Он опять ведет пальцем по губам, словно проверяет, насколько податливые, насколько гладкие.

Я невольно сглатываю, вспомнив, наконец-то, что надо бы и подышать.

Отслеживает движение моего горла, пальцы дергаются, словно... Словно хочет руку положить на шею! И наощупь проверить... Еще раз...

Судорожно втягиваю воздух, он возвращается к губам, потом моргает. И взгляд становится прежним. Спокойным и мрачным.

– Ты кто такая вообще? Откуда здесь?

Он не отстраняется, по-прежнему сидя боком на кровати, чуть навалившись на меня. И голая мокрая грудь совсем близко. А руки, огромные, мощные, по обе стороны от моего лица.

Еще чуть-чуть – и наклонится, укроет меня собой.

А я и пискнуть не успею. Не смогу.

Не захочу?

Облизываю губы, дышать становится совершенно нечем.

Хмурится, смотрит на губы, выдыхает.

– Ты немая?

Блин... Немая, да. И дурочка. Такая дурочка...

Киваю.

– Черт...

Он медлит чуть-чуть, словно прикидывает, что дальше делать, а потом отстраняется.

Рывком отжимается на руках, встает, оставляя после себя только ощущение тепла рядом. И твердых подушечек пальцев на губах.

Привстаю, а затем аккуратно сажусь на кровати, смущенно поправляя задравшийся сарафан.

Ловлю темный внимательный взгляд на своих ногах, замираю, глядя на него снизу вверх.

Ругается и отворачивается.

Смысл его ругательств понятен. Он в растерянности, не знает, что со мной делать.

Встаю, жестами указываю на выход. Мне кажется, что нам здесь нельзя вдвоем.

Смущает.

– Ты себя нормально чувствуешь? Идти можешь?

Киваю.

Пропускает, торопливо выбегаю из дома, нагнув голову.

Стыдно, Боже мой, стыдно как! Щеки жарит огнем, губы горят, в глазах темень!

– Мая, что ты? Куда? – это в сених меня тетя Маня ловит, встревоженно смотрит в глаза.

Отворачиваюсь, еще больше вспыхивая. Потом шарю по карманам и протягиваю ей записку от бабушки.

– Да погодь ты, щас прочитаю! Ответа надо же? – держит она меня за локоть, но я отрицательно качаю головой и, услышав тяжелую мужскую поступь в доме, приближающуюся к нам, дергаю руку, высвобождаюсь и несусь прочь, как заполошная курица без башки.

Не в сторону деревни, нет!

Дом тети Мани стоит с самого края, на отшибе, как и положено жилью нормальной деревенской ведьмы-знахарки, а потому я бегу в сторону леса.

По узкой тропинке, прочь, прочь, прочь!

Словно гонится он за мной!

Словно сейчас поймает!

Возле ставка пусто, утро же раннее, даже рыбаков нет.

Я без сил валюсь на траву и какое-то время просто дышу, успокаивая бешеное сердце.

В горле все клокочет, и хочется кричать. И плакать. И...

Но, как всегда, ни звука.

Только тяжелое дыхание со свистом вырывается из груди.

А в голове... Сумбур полный. Кошмар.

Потому что лишь теперь приходит понимание собственного идиотского поступка.

Да, Майка, ты – дура. И это официально. Чего так повела себя? Никогда голого по пояс мужика не видела, что ли?

«Такого – не видела», – коварно пищит внутренний голос. Это забавно. Внешнего голоса нет, зато внутренний – ого-го какой разговорчивый!

Правда тут я в кои-то веки согласна с ним.

Закрываю глаза, и снова вижу мужчину. Огромного, сильного, как... Как... Как буйвол, вот! Он стоит возле колодца тети Мани и с размаху опрокидывает на себя ведро воды.

И отфыркивается довольно. А вода льется по его смуглой коже, по шее бычьей, по груди, животу и ой... Руки у него перевиты мускулами, жилистые, крепкие очень. Твердые.

И весь он такой. Твердый и горячий.

А взгляд... Дикий. Напряженный, словно в душу целится. Убивает.

Майка, ты – совсем с ума сошла в этой деревне. Невозможно же так! Невозможно, чтоб от вида полуголого мужика так крыло!

Это просто эффект неожиданности, испугалась...

У тети Мани, вроде, родни не осталось, а этот вел себя так, словно дома находится. Да и сама тетя Маня шаги мужские слышала и не удивилась.

Значит, знакомый...

Родственник.

Интересно, как его зовут?

Нет! Не интересно! Не интересно тебе, глупая Майка! Ты себя уже показала, проявила во всей красе, овечка заполошенная. Правильно меня бабушка так называет, овечка и есть.

Опять возвращаюсь к моему нелепому падению и побегу, переживаю его, стыжусь своего поведения.

Открываю глаза.

Высоко в чистом синем небе парит сокол, выискивает добычу. Слежу за ним взглядом и постепенно успокаиваюсь. Начинаю слышать другие звуки, которых раньше и не замечала, настолько все стук сердца перекрывал.

Вот дятел долбит сосну, вот береза шумит, вот вода в ставке плещет... Тихо и спокойно.

Легко.

Привычно.

Мая, приходи в себя. Тебе еще домой идти, к бабушке. Явишься розовая слишком или бледная, она переживать будет, отварами всякими поить...

А от того, что болит сейчас, отвара нет. Не придумали.

Гость у тети Мани, странный и чужой мужчина, уедет. А ты тут останешься.

Вечера в деревне

– Вот вечно ты чего-то не так сделаешь, – ворчит бабушка, споро раскатывая тесто по столу.

Ее сухие руки, натруженные, костистые, настолько ловко переминают белый, обсыпанный мукой пласт, что я не могу оторвать от них взгляда. Честное слово, гипноз какой-то... И даже ворчание ее кажется уютным.

Она привыкла со мной разговаривать, как, наверно, многие одинокие люди разговаривают, например, с кошкой. Не ожидая ответа. Хотя я могу ответить. И я разумная, в отличие от животных. Ну, по крайней мере, я надеюсь на это.

Но обычно наше общение ограничивается ее пространными беседами и моими жестами: кивание, пожимание плечами, улыбка.

Ей хватает. Мне тоже.

– Я же тебе говорила, надо дождаться ответа от Мани, она должна мне мазь приготовить. Спину прихватило опять, ты же знаешь...

Я выразительно закатываю глаза.

Бабушка опять нагородничалась и теперь ходит, недовольно проминая поясницу. Кто ей виноват? Могла бы меня попросить.

– И нечего мне тут глазюки свои катать, – хмурится бабушка, шлепая тесто обратно на стол, – почему не дождалась? Убежала, заполошная, полдня где-то бегала! Куры в огород пробрались, поросенку надо дать, воды еще натаскать...

Я только вздыхаю.

Не объяснить бабушке, почему я убежала. И слов таких не знаю, какими можно описать все, что чувствую, что думаю.

Вечером сяду, в дневник запишу.

– Тебя уже Варька прибежала, искала, – продолжает бабушка, убирая тесто в сторону и накрывая его чистой тряпкой, – и чего ходит, чего ходит... Непутевая... Опять с Витькой спуталась... Не гуляй с ней, Майка. Шоболда она.

Киваю, глажу бабушку по плечу и иду делать домашнюю работу. Кормить поросенка, набирать воду из колодца... И думать про загадочного мужчину во дворе тети Мани.

Хорошо, что это все можно делать одновременно.

Варька застает меня как раз, когда я набираю воду во второе ведро.

– Майка!

Я поворачиваюсь, улыбаюсь, машу ей, чтоб заходила.

– Бабка твоя дома? – оглядывается настороженно, она в

курсе, что бабушка ее терпеть не может.

Показываю, что нет. Она забегает во двор, скептически осматривает мой ситцевый халатик, ведро и заколотые небрежно волосы.

– Ты чего тут? До ночи впахивать собралась?

Пожимаю плечами. Как закончу, так и закончу. Куда торопиться?

– Давай, вечером в клубе будут танцы. Васильевские, говорят, приедут. Пошли.

Я отрицательно машу головой. Нет уж. Мне наш клуб деревенский не нравится, музыка там ужасная, да еще все время ставят блатную по запросам местного населения.

Ну и народ, соответственно...

В бабушкиной деревне на удивление много молодежи живет. В основном, потому, что здесь есть школа, причем одиннадцатилетка, детский сад, и все прямо в деревне. Кроме этого, здесь до сих пор существует совершенно не разваленный колхоз, который теперь называется по-другому, конечно, но суть прежняя. И народ там работает. Там, да на лесопилке.

В целом, богатая деревня, уже даже не деревня, а село.

Я здесь отдыхаю каждое лето, начиная с июня и завершая августом.

Правда, последние три года – с середины июня только, потому что экзамены в колледже занимают большую половину первого летнего месяца.

Но потом стабильно сюда.

В принципе, за столько лет могла бы и привыкнуть к местным развлечениям. Но никак. Не привыкла.

И потому клуб деревенский не переносу, а уж когда там в гостях русские байкеры на «Явах» из соседней Васильевки, то вообще лучше не соваться.

Сначала все будут надираться, потом смотреть на танцующих девчонок, потом делить тех из них, кто круче раздает авансы, а потом драться.

Это обязательная программа, видела сто раз. Не интересно.

Я лучше дома.

Посижу, попью чай, почитаю. Запишу в дневник все свои переживания за сегодняшний день. Вернее, одно, очень яркое переживание...

Варька смотрит на меня скептически, дует губы.

– Майка, ну хватит уже! Так и просидишь до конца лета у бабки под юбкой? Парни уже ржут над тобой!

Опять пожимаю плечами. Какое мне до этого дело? Они все время надо мной ржут. Думают, если не говорю, значит дурочка.

– Майкаааа... – Варька прыгает вокруг меня, теребит крашенную челку, – ну пошли-и-и... Там будет Гарик васильевский, прикинь?

Ну и что? Опять пожимаю плечами, занимаюсь делами.

Поднимаю ведро, несу в дом.

Варька топает за мной и ноет.

Я особо не вслушиваюсь. Ее нытье по Гарику из Васильевки, гордому обладателю новенькой, купленной с родительской премии за страду «Явы», я слышу уже второй год. По этому Гарику сохнут все девчонки, из нашей деревни, Васильевки и еще парочки соседских.

Хотя, по моему мнению, там особо не по чему сохнуть. Конечно, парень он видный, про таких говорят: «Первый парень на деревне», но с девушками обращается ужасно. Гуляет, а потом бросает, как надоест. Говорят, от него уже даже кто-то аборт делал. Бр-р-р...

В деревне слухи очень быстро распространяются, тут все на виду... И, по моему мнению, хотеть отношений с таким

типом – это поставить на себе жирную печать... Как там бабушка говорит? Шоболды, вот.

После такого только в город...

А там не очень-то ждут молоденьких наивных дурочек. Разве что, в дешевых забегаловках и на трассе.

– Майка! – Варька испробовала все способы и теперь просто повышает голос. Интересно, она тоже считает меня дурочкой? Может, думает, что до меня не доходит с первого раза и надо сказать громче, чтоб услышала? – Ну, пошли-и-и!

Отказываюсь опять.

– Ну и черт с тобой!

Разворачивается, гордо взмахнув хвостом светлых волос, выбегает из дома.

А я продолжаю заниматься домашними делами, которых в деревенском доме всегда много.

Через час приходит бабушка, уже с мазью от тети Мани.

– А у Маньки-то родня приехала! – с порога начинает рассказывать она, и я замираю, вся превратившись в слух, – такой здоровенный мужичара... Нерусский какой-то, что ль... Черный весь, и нос здоровенный. И борода. Не видела, когда заходила?

Отрицательно мотаю головой, прячу взгляд, делая вид, что крайне сильно занята перекладыванием высушенного цвета ромашки в тканевые мешочки.

– Ой, ну и хорошо, – кивает бабушка, – а то уж больно страшный, а ты у меня пугливая такая... Я и не думала, что у Мани такая родня есть... Городской, говорит, богаты-ы-ы-ый... Мотоцикла у него не наш. Большущий и с таким рулем, знаешь, как рога. Маня говорит, он с какого-то праздника едет, своим ходом. Уже тыщу километров отмотал. К ней переночевать – и дальше, до города. Хотя, до города тут всего пару часов езды, а уж ему-то... И чего приехал? Может, просто отдохнуть? Там уже наши вертихвостки вокруг него хороводятся... Видный мужик, чисто буйвол... Вот только черный, бородища страшная... И взгляд бесовский. Хорошо, что ты его не видела, Майка, а то приснится во сне кошмарнице такое...

Я сижу, прикусив губу, и стараюсь сохранить нейтральное выражение лица. Не показать, насколько мне интересно то, что рассказывает бабушка.

А еще старюсь не анализировать свои эмоции, когда она упоминает, что вокруг него уже наши девчонки прыгают.

Мне же это неважно?

Конечно нет.

В голове какой-то глупый сумбур, мешанина из образов, оказывается, волнующих меня с того момента, когда открыла калитку тети Мани и увидела его, обливающегося водой из ведра. Его руки, его мускулы точеные, литые. Его глаза внимательные. Жесткую подушечку большого пальца на моих губах. Запах колодезной воды, перемешанный с бензином и дорожной пылью.

Низ живота начинает тянуть, нежно, томно, непривычно. Сердце стучит так, словно вырваться хочет из груди.

Нет, мне нужен дневник. Обязательно нужен.

Привыкла уже все записывать, все по полочкам раскладывать. Это так выручает, так помогает понять себя, осознать ситуацию, со стороны на нее посмотреть.

Бабушка ложится рано, как и многие в деревне.

А я засиживаюсь за дневником, пишу, вспоминаю, думаю.

Я совсем не планирую как-либо привлекать внимание этого мужчины, уже привлекла, хватит. До конца жизни стыда не оберешься.

Это же надо, увидеть и на ногах не суметь устоять!

Ужас, просто ужас!

Мои самобичевания прерывает телефонный звонок. Варька.

Смотрю на трубку, думаю, брать – не брать... Она могла просто выпить лишнего и попытаться меня опять уговорить гулять. Зачем-то. А может, что-то случилось?

Нажимаю на зеленую клавишу и слышу взволнованный Варькин голос:

– Майка, помоги мне! Черт!

Нажимаю вопрос в сообщении.

– Я тут застряла, не могу выбраться, Майка!!!

Да что случилось?

– Я в канаву свалилась, не выберусь никак! Возле клуба, помнишь? Не хочу никому звонить из девок, они же ржать будут! И на всю деревню растреплют, что я в сточной канаве оказалась! Помоги, Майк!

Вздыхаю. Ну да, я точно никому не трепану.

Отсылаю «ОК», собираюсь потихоньку, чтоб не разбудить бабушку.

Как можно умудриться свалиться в канаву?

Иду по темной деревне в сторону клуба. Окна уже не горят практически ни у кого, все спят. И только в конце улицы слышна музыка. В этот раз что-то из репертуара «Сектора

Газа», нежно любимого деревенскими парнями.

Канавы должны быть справа, сворачиваю туда, прохожу по тропинке, подсвечивая себе фонариком на телефоне, прислушиваюсь.

Ступаю я громко, Варька точно услышит. И подаст голос.

Ничего не видно и не слышно. Сдаюсь и набираю ей, надеясь, что телефон не на вибро, а на звуке.

И точно, звук доносится откуда-то сбоку, но не со стороны канавы, а со стороны клуба.

Выбралась уже, что ли? А почему не позвонила тогда?

Иду на звонок и выворачиваю напрямиком на наше самое дурацкое место: небольшой пустырь и две лавочки, стоящие друг напротив друга.

И на этих лавочках битком народу.

Оторопело замираю, перевожу взгляд с одного лица на другое. Парни, наши и не наши, Гарик выделяется, естественно, в самом центре. Две девчонки. Одна из них – Варька. И по ее виду понятно, что ни в какую канаву она не падала.

При виде меня раздаются смешки и свист.

Я смотрю на Варьку, потом разворачиваюсь и двигаюсь обратно.

Но успеваю всего два шага сделать, как меня резко тянут назад! Дергаюсь, пытаюсь вырвать локоть из чужого грубого захвата, но безуспешно!

Добиваюсь только того, что меня берут уже за плечи, приобнимают... И ведут обратно, к лавочкам!

Происходящее все больше становится похожим на бред, на страшный сон!

Парень, что меня поймал, не местный, васильевский, что-то говорит своим, те гогочут, а я даже не осознаю, что они говорят. Все силы трачу на то, чтоб вырваться!

Меня сажают напротив Варьки, по-собственнически обнимающейся с Гариком, и я смотрю на нее гневно.

– Ну ладно тебе, Майк, – примирительно бормочет она, – ну как тебя еще вытащить? Ребята просили...

– Ага, – гогочет тот парень, что меня поймал и притащил сюда, – недотрога прям рыжая... А ты реально не говоришь?

Киваю. Не говорю.

– Но слышишь?

Опять киваю. Слышу.

– А ты ничего так, – он жмет меня за плечи, делая больно, – клевая. Гладкая такая. – Тут он наклоняется ко мне, нюхает шею, шумно, как жеребец, меня передирает от отвращения, – и пахнешь вкусно! Братва, она малиной пахнет!

– Ягода-малина, – скалится Гарик и, не обращая внимания на ревниво прижавшуюся к нему Варьку, тянет меня себе на колени.

Я только беззвучно открываю рот, упираюсь обеими руками в плечи парня, но, естественно, мое сопротивление остается незамеченным.

Он тоже, как и тот, предыдущий, нюхает меня, а потом... Лижет! Шею лижет! Я испуганно начинаю биться в его лапах, пытаюсь освободиться, по щекам катятся слезы от унижения и омерзения!

Как такое может быть вообще?

Как я могла так попасть?

– Вкусная, да... – хрипит Гарик, стискивая меня все сильнее, и слезы на глазах теперь уже от боли, – и не разговаривает... Идеальная баба.

– Гарик, отпусти ее, – неуверенно говорит Варька, – она плачет... И вообще, она не говорит, но не дура. Нажалуется бабке потом...

– Не нажалуется, – хрипит Гарик, жадно лапая меня под гогот остальных парней, – зачем шалашовкой на всю деревню позориться? Да? Малинка? Так?

Я мотаю головой, яростно и злобно, а затем заряжаю ему пощечину. Встреченную хохотом. И еще одну. Такую же, с точки зрения этих скотов, забавную.

– Сиди, Малинка, – смеется Гарик, – я с тебя потом за каждую пощечину спрошу дополнительно.

Лапа на моей талии все тяжелеет, сил бороться катастрофически мало, ужас заволакивает голову.

Я понимаю, что в ловушке, в жуткой ловушке, из которой просто так не выбраться!

Принц на белом... то есть, черном байке

– Че у тебя там в телефоне, Малинка? Музон есть нормальный? – Гарик забирает мой телефон, буквально силой разжимая побелевшие пальцы, а я только выдыхаю взволнованно и огорченно. Не удалось мне его незаметно достать, отправить бабушке дозвон...

Последняя надежда пропадает.

Смотрю перед собой, стараясь быть как можно дальше от Гарика и его смрадного дыхания. Но это невозможно сделать, потому что он так и не отпускает меня, держит у себя на коленях, как кошку! И лапает!

Лапает, не давай времени прийти в себя, принять правильное решение! Не могу я думать, когда вот так, бесцеремонно... Не могу найти выход!

Только животное что-то пробуждается, инстинкт жертвы – бежать, вырваться, сопротивляться!

Оглядываюсь в панике вокруг, скольжу по лицам парней и девчонок, сидящих здесь. Надеюсь найти хоть в ком-то поддержку. И не нахожу!

У парней откровенно тупые и похабные взгляды, а девчонки... Одна из них – васильевская, занята только своим

парнем, ей вообще плевать на происходящее, а Варька... Варька смотрит злобно и завистливо. Ее саму в этот момент обнимает тот самый парень, что первым схватил меня, и, похоже, ей такой расклад совершенно не нравится.

Она недовольна тем, что Гарик предпочел меня ей. Я настойчиво и умоляюще смотрю в глаза своей якобы приятельнице, пытаюсь донести, что мне не нужен ее Гарик! Господи, мне вообще никто не нужен!

Я не хочу здесь быть!

Я домой хочу, к бабушке!

Но Варька, поймав мой, полный слез и мольбы взгляд, неожиданно кривится презрительно и отворачивается.

Сердце в этот момент просто перестает стучать, и предательство до такой степени жутко и обидно, что я закрываю глаза и плачу.

– Эй, ты чего ноешь, Малинка? – Гарик отвлекается от разговора с соседом, начинает меня лапать интенсивней, забирается за пояс джинсов, и я, умирая от омерзения, смешанного со стыдом, бьюсь в его руках, – да чего ты?

Он удивляется, а затем вытаскивает руку из моего белья, хватая за подбородок и присасывается к губам.

Мерзко, противно елозит вонючим языком внутри, вызы-

вая только рвотные позывы, я изо всех сил цепляюсь за его шею, вгоняю ногти в толстую кожу.

– Ого! – отрывается он от моих губ, взгляд дурной, бешеный, – вот это да! А ты горячая, а?

Вокруг нас улюлюкают, орут, говорят какие-то гнусности его друзья, и никто, никто не видит моих слез, моих попыток прекратить это, спастись!

Ощущение полнейшей безнаказанности этих тварей и своей беспомощности, ущербности накатывает мощно и лишает сил.

Мне ведь и в самом деле никто не поможет. И этот ублюдок совершенно спокойно сделает со мной все, что ему захочется.

И не важно, что потом он за это ответит (не факт, кстати).

Не важно.

Важно, что я этого не переживу. Точно не переживу. Просто не буду уже такой, какая сейчас. Другой буду.

– А ну пошли, – Гарик встает, хватая меня за руку и, никак не реагируя на мое сопротивление, тащит по тропинке куда-то в сторону речки.

Мы уходим, провожаемые мерзкими комментариями и

пожеланиями.

Я все еще пытаюсь выдрать руку из его клешни, но добиваюсь только того, что он останавливается и... Несильно, но чувствительно бьет меня по щеке!

– Засохни, сучка, а то прямо при всех выебу, – злобно говорит Гарик и опять целует в губы.

Затем тащит дальше.

А я...

Я не сопротивляюсь больше. Иду, ошарашенная происходящим. Меня никто никогда не бил. Ни по лицу, ни вообще... Этот унижительный удар словно в один момент низводит меня до положения бесправного существа, не имеющего своего мнения и голоса.

Губа немного немеет, ощущается металлический привкус крови, но это уже не важно... Кровь... Такая ерунда...

Слезы застилают глаза, кусты, куда мы углубляемся, бьют по лицу, я теряюсь в пространстве и потому не сразу понимаю, что мы стоим.

Натыкаюсь на спину Гарика по инерции, тут же пытаюсь отшатнуться.

– Какие вопросы, дядь? – говорит он кому-то нахаль-

ным, развязным тоном, по которому понятно, что тормозов у ублюдка нет.

А я неожиданно понимаю, что мы умудрились кого-то встретить! Здесь! Возле речки, в темноте!

Что это, если не спасение?

Начинаю дергаться, пытаюсь вырвать руку из хвата Гари-ка, он злобно и матерно что-то рывкает и прижимает меня к себе.

– Никаких, – голос, низкий, глубокий... Знакомый. И фигура, еле различимая в полутьме, а для меня, учитывая за-литые слезами глаза, вообще не различимая... Но огромная. Куда выше гада Гарика!

– Тогда гуляй мимо, – выплевывает Гарик, – у нас тут сви-дание.

И в доказательство он еще сильнее жмет меня поперек те-ла, полностью лишая возможности дышать и двигаться.

– Не буду мешать, – вежливо отвечает мужчина и идет мимо, а я могу только беспомощно раскрывать рот, царапать ногтями лапу Гарика и плакать.

Он равняется с нами, и я понимаю, что не ошиблась! Это – тот самый гость тети Мани! Мужчина на мотоцикле!

И он сейчас пройдет мимо. Он чужой. Он не станет ме-шать Гарику, да и меня точно толком не рассмотрел ни то-

гда, ни сейчас , в темноте...

Он пройдет, а я останусь тут!

Гарик победно хмыкает, чуть ослабляет хватку, уже понимая, что никуда я не денусь...

А мужчина неожиданно тормозит рядом и смотрит на меня в упор!

И я понимаю: он видит! Он все видит! И мои пальцы белые на запястье Гарика, и полные слез глаза, и губы в крови!

– Вот только вопрос один все же есть... – Он переводит невозмутимый взгляд с меня на Гарика, – девушка в курсе, что у вас свидание? По-моему, нет. Отпусти ее, по хорошему.

– А не пошел бы ты, сука? Че здесь забыл? – рычит Гарик, стискивая меня еще сильнее одной лапой, а второй толкая слишком близко стоящего мужчину в грудь.

И тут же орет громко и жалобно, когда тот легко перехватывает его запястье и как-то по-особенному нажимает и выворачивает.

Одновременно мужчина дергает меня за руку к себе, и Гарик, занятый лишь тем, чтоб не рвануться лишний раз, потому что, судя по всему, боль невероятная, отпускает.

Я моментально прячусь за широченную спину своего спасителя, а он еще одним быстрым ударом укладывает Гарика

на землю.

Это происходит настолько ловко и моментально, что я не успеваю даже отследить его действий.

Буквально пара секунд – и мой обидчик валяется на земле, воет на одной тоскливой ноте и не пытается подняться.

А мужчина разворачивается ко мне, наклоняется и внимательно разглядывает мое лицо:

– Ты как?

Я киваю, показывая, что все хорошо, и тут же, в противовес собственному жесту, валюсь на землю.

Мужчина в очередной раз показывает моментальную реакцию и подхватывает меня на руки.

Он несет меня, прижимает к широченной груди, от него, как и утром, пахнет чистой прохладной водой, немного пылью, немного потом... И этот запах одновременно успокаивает и будоражит.

Мне невероятно спокойно в его руках, ощущение безопасности – это практически наркоз.

И я уплываю в него, в сладкой, волнующей неге...

Чем принцессы платят за спасение

Прихожу в себя от влажного ветра с воды.

А еще от того, что мой спаситель аккуратно ставит меня на ноги, заботливо придерживая за талию, чтоб опять не упала.

Ладони его, огромные по сравнению с моим мелким, худосочным телом, спокойно фиксируют нужное положение. А еще они горячие, как печка у бабушки в комнате.

Тепло от них такое же. Сразу по всей коже, волнами расходуется.

– Ты как, коза?

Знакомое прозвище указывает на то, что он меня тоже узнал. Может, не сразу, может, только теперь... Или нет...

Иррационально накатывают воспоминания о моем утреннем конфузе, когда чуть сознание не потеряла перед ним. Краснею, торопливо хватаюсь за щеки ладонями... Тут же дергает болью разбитую губу.

– Эй, ты потише... – он моментально реагирует на мои хаотичные стыдливые движения, – стоишь?

Киваю, не убирая ладоней от щек. В голове – бедлам. Вро-

де, и понимаю, от чего спаслась, чего избежала, а вот ощущения прошедшего буквально в сантиметре несчастья нет. Словно даже его этот грозный мужчина отпустил.

Рядом с ним мне удивительно спокойно, тепло настолько, что невольно хочется еще ближе подойти. Чтоб источник тепла был рядом. И только моим.

Я невольно подчиняюсь своему внутреннему позыву. И легко подаюсь к нему навстречу.

Задираю подбородок и бесстрашно разглядываю белеющее в полутьме лицо.

Луна, яркая и безумная, отражается в водной глади ставка, дробится и рассыпается на мелкие искры. И все они – в его глазах.

В это мгновение он не кажется мне пугающим. Не смотрится страшным.

Нет, он похож на какого-то древнего воина-защитника. Знаете, раньше ставили такие каменные статуи, с мощно высеченными скульптурными лицами, возле крупных городов и сел. Считалось, что в них заключен дух-защитник. Тот, кто выручит, если придет беда.

Я в свое время настолько впечатлилась этой историей, что

даже пробовала рисовать подобные статуи. Исключительно, по своему воображению.

Они ведь только в легендах сохранились.

И вот сейчас такой дух-защитник рядом со мной. Так близко. И спас меня, выполнил свое предназначение.

– Больно? – он говорит тихо, голос его, низкий и приятный, словно резонирует во мне, какие-то струны задевает, о существовании которых я и не подозревала. Только сегодня узнала. Этим утром буквально.

Я не реагирую на его вопрос, продолжаю смотреть, не моргая, и тогда он, видимо решив, что я в шоке от произошедшего, аккуратно кладет свои огромные ладони прямо поверх моих рук, до сих пор прижатых к лицу... И мягко отводит их в сторону.

А я получаю такой заряд тепла, что ноги опять подрагивают. Но в этот раз я удерживаюсь, исключительно на силе воли, конечно. И на стыде. Потому что третий раз за день падать при виде мужчины... Это слишком даже для такой, как я.

Его ладони держат мои бережно, аккуратно. Он вообще такой... очень аккуратный. Сдержанный очень.

И есть у меня внутреннее ощущение, что ему привыч-

на эта сдержанность, это постоянное умение держать себя в
оковах разума. Потому что если такой большой человек не
сумеет сдерживать свою чудовищную силу, то... То будут
разрушения.

Мужчина двигается так, словно знает за собой способ-
ность к подобному. Словно они уже были. Разрушения. И
теперь ему совсем не хочется повторения.

– Давай я тебя отвезу в больницу, да? – опять говорит он,
и , наконец, отводит от меня взгляд, косится куда-то в сто-
рону.

Я отслеживаю это движение и вижу глянцево поблескива-
ющий бок байка.

Похоже, мужчина решил ночью искупаться в ставке. И
приехал сюда специально, чтоб не мешать никому.

И вот надо же такому случиться: помешал! Поганому Га-
рику!

Так удачно помешал!

Пока я разглядываю черный байк, мужчина начинает мед-
ленно сдвигаться в его сторону, придерживая меня за руку.
А я понимаю, наконец, смысл сказанной до этого фразы про
больницу.

И тут же торможу пятками в песок!

Какая больница, Господи? Он с ума сошел?

Да и закрыто все ночью. Это к тете Тамаре идти, медсестре поселковой.

Зачем? Из-за царапины?

Да и вопросы будет задавать...

От одной лишь мысли про то, что может подумать тетя Тамара, увидев меня в компании с таким мужчиной, ночью, да еще и с разбитым лицом, становится страшно.

Клянусь, гораздо страшнее, чем до этого, с Гариком!

Отрицательно мотаю головой, умоляюще тарашусь на вопросительно смотрящего на меня спасителя.

– Почему? – спокойно уточняет он, – он тебя ударил, может быть сотрясение...

Опять показываю, что не надо. Сжимаю пальцы в большой ладони взволнованно.

– Тогда в полицию. Заявление надо написать на попытку изнасилования.

Ох! А вот это уже совсем ни в какие ворота!

Если до этого я думала, что мне страшно, то сейчас понимаю, что до этого – вообще лайтовая версия была!

А вот теперь – да! Теперь страшно!

Не дай Бог, вообще кто-то узнает, как я по кустам с Гариком лазила! Меня же... На всю деревню...

А бабушка... Ей же плохо будет! У нее сердце... И спина...

Мужчина тащит уже меня к байку, а я упираюсь сильнее и дергаю руку из его ладони.

Он разворачивается. Смотрит вопросительно и грозно.

Опять мотаю головой, умоляя не делать ничего из того, что намеревается.

Он изучает меня пару мгновений, затем подходит ближе и говорит неожиданно мягко:

– Слушай, я понимаю, ты боишься... Но это – самый правильный путь, пойми. Ты – беззащитная, парень этот – настоящий подонок. Он должен получить по заслугам, пони-

маешь? Нельзя такое спускать. Никогда нельзя.

Но я упрямо качаю головой.

Мужчина пробует настоять, опять хватает меня за руку, намереваясь силой утащить к байку, но я начинаю отталкивать его и плакать. На меня накатывает настоящая истерика, похоже, позднее зажигание срабатывает, отходная волна после произошедшего.

Мой спаситель тормозит, рассматривает меня с недоумением. А затем, вздохнув, неожиданно привлекает к себе, обнимает, крепко, но бережно, щедро делясь своим теплом, своей силой со мною, маленькой и слабой.

Неудивительно, что я тут же утихаю и только всхлипываю беззвучно в его объятиях.

Трусь носом о черную майку, обтягивающую каменную грудь, и буквально через пару секунд понимаю, что дурею уже совсем по-другой причине. Не от ужаса из-за произошедшего и возможных последствий. А из-за самой ситуации. Из-за того, что он меня обнимает, держит, так крепко и надежно. И мне хорошо в его руках. И неожиданно волнительно. Правильным таким, сладким волнением.

Пахнет от него водой из ставка, холодной, ключевой, майка – пропитавшаяся дорожной пылью и вкусным мужским

потом. А еще все это смешивается с еле уловимым запахом крови. Наверно, от моей губы.

И голова моя бедная, и без того сегодня пострадавшая, летит опять, сладко и чудесно.

Да что же это за наваждение такое с этим мужчиной?

– Ну все, все... Не поедем. Если не хочешь... – кажется, он неверно истолковывает мое притихшее состояние, думает, что успокоил.

Гладит по спине, еле заметно, кажется, просто большими пальцами водит...

А у меня дрожь... Ой, как сладко... И во рту сухо.

Сглатываю, позволяя себе еще чуть-чуть подышать им, этим неожиданным в моей жизни мужчиной.

Чужим и пугающим. Но по-настоящему правильным. Идеальным.

– Давай, домой тебя докину.

Я представляю на секунду, как разорвет тишину деревни его байк, как залают одновременно все собаки во всех дворах нашей и, наверняка, еще и в парочке окрестных деревень...

И отказываюсь.

Указываю на байк, потом на свои уши, потом складываю ладошки у щеки...

– Ну да, – подумав и верно разгадав мою бессловесную коммуникацию, соглашается мужчина, – точно всех разбудим. Тогда потом байк заберу. Пошли, провожу.

На это я соглашаюсь, и мы идем по тропинке от ставка в деревню. По другой тропинке, не той, на которой остался лежать Гарик.

И вот меня вообще не тянет посмотреть, как он там. Потому что без разницы, как.

Я думаю, что сказать бабушке, потому что говорить ей все равно что-то придется. Думаю, как смотреть теперь на Варьку, когда буду встречать ее на поселковой улице. Думаю... Но на самом деле, все мои мысли – лишь фон для одной основной. Самой нужной мне сейчас.

Мысли о том, как правильно и хорошо лежат мои пальцы в ладони этого огромного мужчины, какой он сильный и спокойный. И невероятно уверенный в себе.

Оставил своего чёрного коня без присмотра, не опасаясь, что у того же Гарика могут быть друзья и жесткое намерение наказать чужака. Хотя бы путем повреждения его байка.

Мужчина не может не думать о таких последствиях, но

это нисколько его не тормозит.

Он идет, крепко держа меня за руку, зорко высматривает неровности тропинки. Чтоб уберечь меня от них, не дать мне упасть...

И я понимаю, что за таким человеком я бы на край света...

Глупая Майка сошла с ума.

Ну и ладно.

Он – самая лучшая для этого кандидатура.

Возле бабушкиного дома – тишина. Нет ни огонька ни у нее в комнате, ни у кого-либо из соседей.

И это хорошо.

Значит, спит бабушка, не заметила моего отсутствия.

– Здесь живёшь?

Киваю.

– Ну что, Майя... – он видит в полутьме мои округленные от удивления глаза, усмехается, – тетка сказала, как тебя зовут. Я – Темирхан. Племянник двоюродный тетки Мани.

Я киваю машинально, замороженная его странным и грозным именем. Темирхан... Как Тамерлан. Завоеватель.

Ему идет это имя. Чувствуется в резких чертах лица что-то такое... Дикое. А в обманчиво спокойных движениях – способность мгновенно меняться в сторону безудержной ярости.

– Иди, – он выпускает мои пальцы, показывает на дом, – я постою, подожду. И не гуляй больше по ночам одна. Хорошо?

Я опять киваю. И не двигаюсь с места. Смотрю на него, облитого полной яркой луной, делающей его грубые черты еще более резкими и в то же время завораживающими.

Он спокоен. Он выполнил свой долг, защитил меня. И теперь исчезнет из моей жизни. Как и положено духу-защитнику.

Но... Но духа надо отблагодарить за помощь... Это будет правильно.

Я больше не думаю.

Делаю шаг к нему навстречу, боясь остановиться или того, что он сам меня остановит, кладу руки ему на плечи, прижимаюсь, задираю подбородок, встаю на цыпочки.

И целую.

Прямо в губы. Сухие, немного шершавые, грубоватые. Удивленно дрогнувшие от моей неожиданной инициативы.

Я не умею целоваться. От слова «совсем». Но сейчас словно происходит что-то, словно перерождается внутри меня. Потому что нет робости, нет смятения, не неуверенности.

Мне ужасно хочется добиться его ответа, хочется, чтоб эти губы раскрылись под моим напором, не казались каменными.

И я все делаю для этого.

Пользуясь тем, что Темирхан замер, судя по всему, удивившись моей настойчивости, я торопливо обвиваю мощную шею руками, практически повисая на мужчине, и с увлечением целую его, забывая про стыд, сомнения и прочую ерунду, которая обычно мучает меня постоянно.

Но сейчас мне не до этого.

Мой защитник скоро исчезнет, растворится в пыли дорог на своем крутом байке, и я его больше никогда не увижу! Никогда не почувствую тепло его рук, ощущение спокойствия и защиты, исходящее от огромного тела, свежее-терпкий аромат его кожи...

Да разве есть у меня сейчас время рефлексировать?

Да пошло оно все к чертям!

Я хочу его целовать, хочу взять от этой минуты все! Вообще все!

Пусть он не ответит, пусть потом посмеется над моей глупой попыткой! Пусть! Зато это мгновение – мое!

Увлеченная своими ощущениями, их новизной и яркостью, обескураженная собственной смелостью, небывалой, немислимой для меня, я перестаю что-либо воспринимать, приходящее извне.

И в одно мгновение теряю полностью контроль над ситуацией.

Или у меня его отнимают.

Потому что мой защитник отвечает мне на поцелуй.

Поцелуй Темирхана

Знаете, каково это, когда тебя внезапно подхватывает ураганом? И несет, несет, несет... А ты кружишься в этом безумии и понимаешь, что вообще ничего от тебя не зависит. Твое тело, такое привычное, родное, можно сказать, до каждой клеточки знакомое, неожиданно становится чужим.

Потому что ты не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, внутри все сжимается и болит. Но страха нет.

Есть восторг, ощущение безумия, полета, чудовищной в своей наготе свободы. От всего.

И не думается, что будет, когда ураган унесет тебя туда, откуда не выбраться. Или просто с размаху шлепнет о стену. Или разожмёт объятия...

Есть только это мгновение, ощущение полета, безумия, свободы.

Темирхан целует меня, и, кажется, вообще не понимает, что делает со мной этим ответным движением губ.

Ладони его занимают уже привычное и такое правильное место на моей талии, а губы непривычно настойчивы и грубы. Но я едва ли замечаю сейчас сухость кожи, силу огромных рук, напор жесткого, привыкшего брать свое без разговоров, мужчины.

У меня словно часть мозга выключается. Та, что за осознание происходящего отвечает.

И за инстинкт самосохранения, конечно же.

Потому что ответ моего спасителя вообще никак не похож на простую поддержку моей глупой инициативы. И не факт, что он меня захочет отпустить теперь.

Темнота улицы, тишина, такая, какая обычно бывает в деревне летом, все это делает мир вокруг нас маленьким, интимным. И в этом мире он – мой хранитель и одновременно пленитель.

Мне кажется, что, даже захоти я сейчас все остановить, не смогу. Темирхан не услышит и не захочет этого сделать.

Здесь, в моей маленькой Вселенной, хозяин – он.

Хорошо, что я не желаю все прекращать.

Наоборот, его ответ пробуждает во мне что-то невероятно мощное, чувственное, кажется, что я горю в его руках, плавлюсь, умираю. С трудом осознаю, что меня уже не просто держат, меня гладят, основательно и грубовато, сминают ягодицу через джинсы прямо, а ощущается это так, словно по голой коже – сильно, жестко. Дышать мне давно уже

нечем, только беспомощно держусь за широченные печи Темирхана, прижимающего меня все сильнее и сильнее.

А через секунду меня подбрасывает вверх, испуганно и растерянно цепляюсь за его плечи, машинально обхватываю ногами бедра... И замираю, осознавая, наконец, происходящее.

Мы посреди улицы, Темирхан держит меня одной рукой под попу, как ребенка, легко и совершенно не напрягаясь, а второй рукой продолжает гладить по спине. И целует, абсолютно по-взрослому, проникая языком в мой рот, настойчиво, не давая вздохнуть, опомниться...

Мои жалкие усилия удержать голову над водой, гаснут, и я погружаюсь во тьму. Он меня туда тащит, словно не ураган теперь, а водоворот. В глазах темнеет, мысли, едва появившись в голове, тут же уплывают на поверхность, никак не затрагивая меня, идущую ко дну.

В какой момент трещит моя рубашка, в какой момент застежка лифчика отстреливает, словно в давно виденном популярном фильме... Там героиня кричала, что не виноватая она...

Не мой вариант, однозначно не мой.

Я виновата в происходящем.

И плевать...

Так хорошо, так сладко, так безумно мне никогда не было, никогда.

И я тянусь к источнику своего безумия, чтоб повисить градус. Его надо повышать, все во мне горит и требует продолжения.

Я не знаю, какого, опыта совершенно нет в этой теме, но и не дура все же, несмотря на общее мнение на эту тему окружающих.

Огромный, несдержанный мужчина – не тот, с кем нормальной девушке стоит проводить ночь. Первую. Получать первый опыт.

Но кто сказал, что я нормальная?

Губы скользят по нежной коже шеи, ловя то неизвестное мне до этого момента сладкое местечко, от которого по телу дополнительная дрожь, и я, не в силах сдерживаться, вонзаю ногти в мощную спину, прогибаюсь так, чтоб еще больше получить его ласки, дышу с всхлипом и, кажется, плачу... Наверно, потому что глаза щиплет. Слезы текут... Это такая дикая реакция на удовольствие. На сладость и безумие происходящего.

Губы ловят мои слезы...

Замирают...

И все прекращается.

Большие руки на моей попе разжимаются, я растерянно скольжу вниз, прямо по груди своего спасителя, кажется, ему это приятно... По крайней мере, пальцы на мгновение сжимаются, словно тормознуть хотят мое скольжение, но затем, наоборот, надавливают, да еще и отстраняют сразу.

Я стою, все еще шальная, безумная, красная, с распухшими губами и залитым слезами лицом.

Темирхан придерживает меня за плечо, аккуратно, чтоб не упала, а второй ладонью приподнимает за подбородок, смотрит своими невозможными горячими глазами, на дне зрачков затухает безумное марево. В котором мы чуть было не утонули.

Сейчас на его место выходит забота и... досада?

– Не плачь, козочка, – хрипит он своим низким, грубым голосом, затем утешительно стирает слезы с моих щек, – я виноват, напугал... Прости.

Я не хочу, чтоб он просил прощения за то, что я сделала! Это я! Все я! Он просто... Поддержал...

Мне становится невероятно стыдно за произошедшее.

Весь боевой настрой куда-то пропадает, и остро ощущается сама дикость ситуации.

Я сошла с ума. Определенно. Может, в самом деле стоило к врачу? Может, Гарик ударил сильнее, чем мне показалось сначала?

Иначе с чего бы мне так себя вести?

С чего бы мне набрасываться на человека, которого второй раз в жизни вижу? Позволять ему себя трогать, тискать. Целовать.

Он все еще стоит, не отпуская мой подбородок и жадно изучает зареванное лицо.

Наверно, я сейчас на редкость ужасно выгляжу... Наверно, глаза красные, и нос красный... И щеки... И вообще...

Стыдно. Так стыдно!

Веду подбородком, пытаюсь высвободиться, но он не позволяет. Удерживает силой, кажется, даже не замечая этого.

И смотрит на меня. Взгляд его тяжелеет опять, рука на моем плече не помогает стоять ровно, а... Принуждает.

И в глазах... Что-то страшное. Такое... Мрачное. Он – совсем не добрый человек, не пушистый мишка, каким я мог-

ла бы его принять в самом начале, когда спаслась от домогательств Гарика.

Нет, теперь я вижу, что Темирхан – совсем не прост. И то, что сейчас здесь происходило, и, возможно, еще произойдет... Я не смогу контролировать.

Как изначально не могла, хотя думала, что это все – моя инициатива.

Но нет.

Я здесь ничем не управляю.

Все в его власти.

Губы болят, хочется прикоснуться к ним, хочется облизнуть, но я этого не делаю, конечно.

Просто смотрю, замороженная, в черные зрачки, падаю в их обволакивающее безумие... Опять тянусь, против воли, к нему...

И в этот момент он моргает, окидывает взглядом мое лицо, рассматривает свою руку на плече, затем торопливо отпускает подбородок и отступает на полшага. Тоже торопливо.

– Прости, я не... Черт... – он раздосадовано проводит

пятерней по короткому ершику волос, – я вообще что-то... Прости. Иди в дом скорее.

Я медлю, пытаюсь придумать, как сказать ему «спасибо», прикладываю руку к груди, с удивлением понимаю, что рубашка на мне расстегнута до белья. И белье это видно. И ему тоже видно.

Когда это случилось? Когда он успел?

Изумленно и стыдливо сжимаю полы рубашки, ощущаю, что лифчик висит только на плечевых лямках, сзади расстегнут... Поднимаю взгляд на своего спасителя и опять натываюсь на безумие в черных зрачках.

Темирхан рассматривает мои пальцы, судорожно сжимающие рубашку на груди, скользит взглядом по горлу, где, наверняка, уже расцвели следы его поцелуев, затем – на измученные им же губы.

Сглатывает.

– Иди в дом, Майя. Сейчас. – Голос его глухо скрежещет, словно Темирхан перебарывает себя, заставляет говорить то, что совсем не хочется. Я все-таки опять пытаюсь поблагодарить, но он неожиданно выдает длинное витиеватое ругательство и уже рычит, без всякой осторожности, – иди, я сказал! И дверь запри! Быстро!

Последнее приказание уже таким низким рыком отдает,

что по коже стремительно бегут мурашки, и я послушно бегу мимо него, словно зверь, затаившегося в темноте, и торопливо запираю дверь, хотя никто в деревне этого никогда не делал.

Но он приказал, и я не могу послушаться.

Прохожу мимо большой комнаты, где стоит здоровенная печь, прямо в свою маленькую, девятиметровую светелку, как ее называет бабушка. Подбегаю к окну, не зажигая свет, вглядываюсь в темноту. Сердце стучит, колотится в горле, дышать буквально нечем.

Он там, во мраке, не ушел.

Я его не вижу, но, мне кажется, чувствую.

Он стоит, смотрит... И решает, что делать. Не просто так он приказал дверь запереть. От него. Да.

Мне одновременно страшно, тревожно и... И сладко.

Я не могу понять, хочу ли, чтоб он решил все... И не могу понять, какое решение мне понравится.

В крови скалит адреналин, в глазах и висках стучит кровь. И даже дышать больно.

Темнота за окном пугает, там прячется зверь. И я... Хочу, чтоб он меня нашел. Хочу?

Но через мгновение вижу, как темнота зажигает сигарету, на полсекунды выхватывая скуластое, заросшее жестким во-

лосом, лицо.

А затем слышатся тихие шаги. И огонек сигареты удаляется.

Я должна бы с облегчением выдохнуть, но отчего-то испытываю разочарование.

Зверь меня сегодня пожалел. Не разорвал... Плохой зверь!

Тру руками лицо, натываюсь на уже подсохшую ранку на губе. Больно! Но не больше поцелуя Темирхана.

И не слаще, к сожалению.

Падаю на кровать, надеясь чуть-чуть полежать, обдумать ситуацию, хотя бы чуть-чуть мысли в порядок привести. Мне чужд и неприятен сумбур в голове, он делает меня глупой и слабой.

Касаюсь опять натертых губ, проводу по лицу, щекам, тоже испытывавшим на себе жесткость черной бороды Темирхана, и это будоражит все сильнее. Хочется... Трогать себя. И дальше, и ниже, и... Ох, какая я безумная!

Торопливо убираю руки от себя.

Нет. Это стыдно, стыдно!

Надо подумать о том, что произошло... Надо записать все... Надо...

...Просыпаюсь утром от бабушкиного ворчания:

– Ты чего дверь заперла, заполошная? Напугалась чего?

Нет?

Она возится в большой комнате, топит печь, ставит туда отдохнувшее тесто. Это будет пирог.

Судя по тому, что двигается она довольно шустро, притирания тети Мани помогли.

Я смотрю на себя в зеркало, ожидая увидеть страшную картину, синяк на лице, кровь... Но ничего такого нет. Только губы распухшие, да в уголке чуть-чуть запеклось.

Похоже, Темирхан нанес мне вчера больший урон, чем Гарики...

– А гость-то Манин уже уехал, – продолжает говорить бабушка, – с утра прямо. Еще до петухов. На чудище своем черном через деревню прогнал, всех собак переполошил...

Без вины виновата

– Говорила я тебе, непутевой, с Варькой не шаландаться? Говорила? Но ты ж не слушаешь никогда! Ну ладно... Ладно, не реви. Не реви, говорю! Ох, беда ты моя...

Бабушка садится рядом на кровати, обнимает, и я благодарно и с облегчением утыкаюсь носом в ее сухонькое плечо.

И рыдаю. Так, что все внутри сотрясается от боли и спазмов. А она уже не ворчит, просто гладит меня по спине, вздыхает только.

Ну да, что тут говорить?

Все уже до этого сказано.

Да я и сама понимаю, что глупая. Что, в самом деле, не надо было. Не надо с Варькой, не надо ночью выходить, не надо быть такой доверчивой.

Но черт... Я же не в городе!

Это там я все время осторожничаю, потому что привыкла, что люди чужие, все незнакомые, никому до меня дела нет.

И особенно становится мало дела, когда выясняют, что я

– немая. Это как клеймо, словно то, что не говорю, автоматически означает умственную неполноценность.

За столько лет я уже привыкла и внимания не обращаю. Даже особенно не цепляет. Но вот раньше, в самом начале, после травмы, было тяжело. А, учитывая, что лечение не помогло, совсем нерадостно.

В городе, в большом областном центре, мне было сложновато.

А в деревне, у бабушки, где все знали и косо не смотрели, я словно выдыхала. Напитывалась за лето солнечным теплом, как цветок, жадно старающийся ухватить как можно больше света за короткий жизненный цикл.

И никак, ну вот никак не могла я ожидать, что здесь, где всегда было безопасно, где все знакомо и просто, меня будет подстерегать беда!

Утром того дня, когда уехал Темирхан, я, не в силах сдерживать внезапно задрожавшие губы, убежала к себе и долго лежала на кровати, уткнувшись в подушку и не реагируя на бабушкины тревожные вопросы.

В конце концов, она решила, что я заболела, и позвала тетю Маню.

А та посмотрела, покачала головой, как мне показалось, словно понимая, из-за чего со мной это все, и приказала заваривать успокаивающий сбор.

Я его послушно пила, но вообще не успокаивалась.

Да и как тут успокоишься?

Он уехал! Просто уехал! И даже... Даже...

Ох, глупая Майка! А что он, по-твоему, должен был сделать? Зайти попрощаться? Или с собой позвать? Ага, сразу замуж! Да...

Даже то, что у меня мысли в эту сторону повернулись, указывало на основательно слетевшую крышу.

И успокаивающие травки тети Мани были в тему, да.

И особенно стали необходимы, когда в полдень по деревне пронеслась весть, что васильевский Гарик в больнице с сотрясением мозга и переломом двух ребер.

Это как же... Это с какой же силой приложил его Темирхан?

Я четко помнила один удар всего. И его хватило, чтоб та-

кие травмы получить!

Конечно, Гарика мне было не жаль, потому что, несмотря на свою некоторую отмороженность, могла себе представить, что случилось бы, не пояись Темирхан.

Но все же мощь моего спасителя впечатляла... Как и то, что при такой звериной силе он мог легко сломить мое сопротивление... Несуществующее, да.

Не зря я чувствовала исходящую от него дикую опасность.

И все же зверь не стал трогать. Отпустил. А потом и вообще... Уехал! И не попрощался! После его жадных поцелуев и тяжести рук это казалось настоящим предательством.

А я себе казалась редкой дурой.

Впрочем, я такой, наверно и была.

Потому что, когда на следующий день пришла Варька, как всегда, шухерясь от бабушки, я не спустила ее с порога поганой метлой, а позволила зайти в дом.

– Слышала, чего с Гариком? – вместо «привет, прости за то, что я так поступила» выдала она, бодренько топая через сени в комнату, – говорят, память отшибло. Не помнит ничего. Кто это его так? Ты?

Я молчала, показательно сложив руки на груди и хмурилась, удивляясь про себя невероятной Варькиной непрошибаемости.

В отличие от Гарика, потерей памяти я не страдала, прекрасно помня и взгляд ее злобный, и саму подставу.

Прощать ничего не собиралась, конечно, но думала, она хотя бы повинится.

Но нет.

Варька была из тех, кому в лицо плюнут, а она утрется и дальше пойдет.

– А у вас, вообще, было че? – она прошлась по комнате, старательно не глядя мне в лицо и делая вид, что все отлично, – а то ушли вы вместе... А потом его пацаны нашли в кустах неподалеку от ставка.

Я стояла, рассматривала ее, как музейный экспонат, не имея ни малейшего желания как-либо реагировать на вопросы. Уже поняла, что пустила зря. Не извиняться пришла моя подружка закадычная, а просто информацию выяснить. На разведку.

– Ладно... – она выдохнула, уселась на табуретку и впервые посмотрела на меня прямо, – Майк... Сердишься? А это мне надо сердиться! Я, между прочим, за Гариком уже два

года бегая! А тут ты пришла и отбила!

От такой наглости я растерялась даже.

Я? Отбила? То есть, мои слезы и сопротивление – это флирт такой?

А не сошла ли с ума моя подружка?

– Ну чего смотришь? – неожиданно повысила голос Варька и заговорила быстро, с обидой и презрением, – думаешь, удастся все такой же чистенькой казаться? Не получится! То же мне, принцесса Несмеяна городская! На пацанов не смотрит, ходит, гордая, нос воротит! А вот я знала, что ты не такая! Стоило Гарику поманить – и рванула с ним в кусты! Так я и знала, что ты – проשמандовка! Наверняка, это из-за тебя Гарику по башке дали! Спала с кем-то, наверно, с женатым! Вот он и подкараулил! Из-за таких, как ты, шалав, потом нормальным девчонкам мужиков не достается!

И тут я не выдержала творящегося бреда, усмехнулась.

Грустно, на самом деле. Осознавать собственную дурость всегда грустно.

Варька, видно решив, что я над ней смеюсь, вскочила, обложила меня матом трехэтажным и выбежала из дома.

Напоследок она пообещала устроить мне веселую жизнь. Тогда я, удивленная и ошарашенная произошедшим, не

восприняла ее слова всерьез.

И, как выяснилось, очень даже зря.

Потому что слухи по деревне поползли тем же вечером. Мерзкие слухи. В них фигурировала я, парни, еще какие-то женатые мужики, наши соседи...

И много чего еще.

Гарик выходил невинной жертвой, которую я коварно сманила в кусты и там на него напал мой любовник, страшно меня ревнующий.

Бред полнейший, но, как и все самое бредовое, вирусно распространившийся не только по нашей деревне, но и до Васильевки доползший.

Я, признаться, не сразу оценила масштаб катастрофы.

Да и поначалу все казалось не таким страшным.

Ну, поговорят и прекратят...

Но, помимо шепотков возле колодца, косых взглядов на улице, начались неприятности похлеще.

Например, на нашем заборе кто-то написал матерные

угрозы. Масляной несмываемой краской.

Бабушка, сначала удивленно посылающая сплетников в одно интересное место, схватилась за голову.

И за меня.

Попыталась вытрясти правду, но, кроме того, что я ничего не знаю и не понимаю, за что так со мной, не получила.

Свидетелей того, как мы с Гариком уходили в кусты, было много.

И ни один из них не сказал, что меня туда тащили против воли.

Выходило так, что я пришла в компанию, села в Гарику на колени, позволила себя лапать и целовать, а потом так же легко позволила себя увести в кусты.

Затем Гарика нашли без сознания, а я пропала.

Не иначе, специально приходила, чтоб любовника своего позлить. В любовники записали сразу нескольких мужиков, среди них даже председатель колхоза фигурировал.

Я перестала показываться на улице, потому что жены тех, кого мне приписывали в любовники, устроили концерт под

воротами.

Особенно старалась молодая жена председателя колхоза, кряжистого мужика под полтинник.

Разговоры набирали обороты, уже приезжали васильевские выяснять, что тут за шоболда такая объявилась, из-за которой их первый парень на деревне в больнице валяется.

Я растерянно бродила по дому, не понимая, за что мне такое? И как вообще все эти люди, столько лет приветливо улыбавшиеся мне, добрые, хорошие люди, вот так, по мановению руки, превратились в озлобленных дегенератов, верящих гнусным сплетням.

Я же никогда даже повода не подавала! Не мешала никому жить! Самая тихая, самая неприметная девушка в деревне! За что такое?

Это последнее было самым обидным, самым невыносимым.

Бабушка, несмотря на свой авторитет в деревне, ни на что повлиять не могла. Забор нам больше не пачкали, но дохлых собак подбрасывали, кур с отрезанными головами и прочие гадости, на которые так богато воображение распаленных травлей людей.

Самое ужасное, что мне и податься сейчас было некуда!

Уехать в город не могла, потому что мама с отчимом еще месяц назад умотали отдыхать в Европу, и назад планировали только к сентябрю, когда моей младшей сестре необходимо будет идти в школу.

Квартиру они на это время сдали.

Да и потом я тоже возвращаться не планировала. Хотела в сентябре начать поиски работы, пусть не по специальности, потому что кто возьмет молодого специалиста, дизайнера-графика, на хорошую работу? Да еще и с моей особенностью.

Потому мне самая дорога была в рекламные агентства, или типографии, где была возможность выполнять несложные заказы и общаться с клиентами посредством электронной переписки.

Платили там немного, но все же я рассчитывала, что удастся снять комнату, откладывать немного на интересные курсы повышения квалификации, набираться опыта и попутно заниматься поиском хорошей работы.

Но все это – не ранее сентября, потому что в квартиру не попасть, а жить мне где-то, до того момента, пока не решу жилищный вопрос, надо было.

Боже, почему я так долго вообще тянула?

Но вот проявила слабость. Очень мне хотелось после окончания колледжа, перед взрослой жизнью, вернуться в детство. Насытиться бабушкиной бесконечной лаской, ее любовью, природой родного села, глубоким темным летним небом с миллионом звезд, падающих на меня...

Казалось, что стоит провести лето, как обычно, и запас жизненной энергии будет восполнен, его хватит на все. На все мои планы.

И вот теперь мне еще полмесяца нужно как-то здесь... Существовать.

А затем уехать и вообще забыть про мое любимое место силы.

Потому что его больше нет. Уничтожено.

За что? Почему?

Я плачу все горче и горче, а бабушка поит меня травками, взятыми у тети Мани. И вздыхает тяжело.

Она, как никто, понимает, насколько памятливые в деревне люди. И насколько тяжело мне будет восстановить доброе имя.

Не просто тяжело. Невозможно.

Шанс на новую жизнь

– Мы не можем вернуться раньше, мам, – отрывисто отвечает мама бабушке по телефону. Звук разносится по всему дому, так что я волей-неволей слушаю. И вздрагиваю от холодности в голосе мамы.

В принципе, могла бы и привыкнуть за столько лет, но все равно цепляет. Особенно сейчас, когда мне очень-очень нужна ее поддержка.

– Марина, вот вы там по европам своим катаетесь, а тут девчонку со свету сживают! – бабушка голос не повышает, наоборот, старается говорить тихо и, подозреваю, косится в сторону моей комнаты. Не хочет лишний раз тревожить.

Но маме на все эти предосторожности плевать, она орет в трубку, не пытаясь хотя бы немного приглушить звук:

– А нехер было по кустам с парнями лазить! И вообще... Не ожидала я от нее такого. Ишь ты, тихоня-тихоня, а все туда же! Еще надо проверить, не беременная ли. Только этого мне не хватало! И куда ты смотришь там, мам?

Я вздрагиваю от несправедливости и начинаю тихо плакать, уткнувшись лицом в подушку.

В кухне бабушка посылает свою дочь матом в «ее сраную Европу» и клянется, что если она «или твой хахаль переступят порог дома, то поганой метлой вымету!».

После этого отключается и какое-то время раздраженно гремит посудой.

Затем заглядывает ко мне.

– Слышала, что ль?

Я не отвечаю, не поворачиваюсь, чтобы не видно было, насколько больно по мне мамины слова ударили.

Бабушка вздыхает, присаживается на кровать, гладит по плечу:

– Не слушай ее, дура она. Вот нельзя так про дочь родную... Но не в нашу породу пошла, дура-дурой... В папашу своего заполошного. Тот тоже, бывало, выжрет самогонки бутыль – и ну по селу скакать с гармошкой. Все думал, что первый парень на деревне. Был когда-то, это да. Потому и глянула на него ласково... А мне за то, что мать твою забеременела, бабка ремнем всю спину ободрала... Батюшка мой вступился, отобрал... Сильный был человек, Царство ему небесное... Сказал, ничего страшного, путь рожает. Кровь наша, говорил...

Она гладит мне плечо, а я затихаю, не шевелясь, слушая историю, которую бабушка никогда не рассказывала. Она вообще не очень любит вспоминать своего первого мужа, отца моей мамы, да и свою семью тоже.

И эта откровенность ее – словно дар мне, непутевой, знак того, что семья поддержит, семья – за меня. Мои предки, сте-

ной за спиной встающие. И становится легче. Правда, легче.

– А Мишка-то, – продолжает бабушка, – как узнал, что я тяжелая, обрадовался... Жениться собрался. К отцу своему пошел. А тот оглоблю схватил, да погнал его по деревне. Кричал, что не достоин он нашей семьи. Опозорит... Тоже хороший был человек. Хоть и запойный пьяница. Потом мы с Мишкой поженились, потом мамка твоя родилась... Эх, неправильно я ее воспитывала. Пороть надо было, пока поперек лавки лежала, а потом уж поздно было... Ну ты не плачь больше, Майк, слышь? Не к лицу тебе это. Ты, слава Богу, в меня пошла, в батюшку моего, в нашу породу, Сомовых. А Сомовы – это тебе не пьянь подзаборная. Нас всегда уважали. И тебя уважать должны. Оступилась, подпустила близко к себе тварь... Бывает. Ты у меня чистая же, неиспорченная, людям веришь. А люди – они недобрые. И тебе надо строже быть. Не пускать к себе, поняла? Урок тебе будет, Майка. Урок.

Голос бабушки журчит тихо-тихо, спокойно так, и я успокаиваюсь. Предательство мамы, очередное в моей жизни, уже не так остро ощущается.

– Хозяева! Галя! – голос тети Мани разрушает нашу тишину, – дома, что ль?

– Дома, дома, – бабушка торопливо встает и идет встречать гостью. Дверь в мою светелку прикрывает заботливо.

Я укрываюсь с головой пледом, стараюсь выровнять дыхание и, может, уснуть.

Голоса бабушки и тети Мани звучат глухо. Что-то они на кухне обсуждают. Меня, наверно, опять. Я теперь на деревне – главная тема для разговоров.

Гадко как, гадко, гадко!

Скукоживаюсь под теплым лоскутным пледом, обхватываю себя руками. И, кажется, в конце концов засыпаю.

– Ну чего, лежишь все? – голос тети Мани вырывает из дурмана, заставляет подпрыгнуть на кровати, сонно вытаращив на гостью глаза, – не прыгай, чего ты? Дело у меня к тебе.

Протираю лицо руками, пытаюсь пригладить волосы, торчащие в разные стороны, прийти в себя. Дело... Какое дело может быть у деревенской ведьмы ко мне?

Тетя Маня присаживается на кровати, смотрит на меня внимательно, а затем продолжает:

– Племяш мой, которого ты видела, помнишь? Приезжал тут недавно... Так вот. У него бизнес свой. Большущий. Дома он строит по всей стране. И нужен ему художник. Ну, или как это там называется? Дизайнер по домам, во!

Я смотрю на нее, пытаюсь осознать слова, потом торопливо подхватываю блокнот, пишу: «Архитектор?»

Тетя Маня читает, отвечает:

– Нет! Тот, кто внутри делает дизайны. Он видел твою

картину, помнишь, ты мне дарила? Я ж ее на видное место повесила, так ему сильно понравилось! Говорил, талант большой. Еще чего-то говорил, но я не запомнила... Я ему тут позвонила, спросила, возьмет он тебя, так он согласился. В понедельник, сказал, ждет тебя в офисе.

– Где в офисе? – спрашивает бабушка, – во Владимире?

– Нет, конечно! В Москве!

Я смотрю на нее круглыми от удивления глазами, затем ощущаю, как щеки начинает заливать краска. Хватаюсь за них ладонями, пытаюсь прикрыть.

Он... Темирхан... Ему понравилась моя картина? Правда-правда?

Он хочет, чтоб я работала? На него? Правда-правда?

– Так что, Майя, я сказала, что ты приедешь в понедельник, – еще больше вводит в ступор тетя Маня, – давай, не подведи меня.

– Да ты с ума сошла? – сурово спрашивает бабушка, – куда ей в Москву-то? Она ж еще дитё!

– Не дитё! Колледж закончила? Закончила. Школу искусств тоже. Сама говорила, наград у нее полно, в конкурсах каких-то побеждала! Самое ей место в Москве! Тем более, что Темирхан ее под свою защиту возьмет, позаботится.

– Да она же...

– Она – совершеннолетняя! – отрезает тетя Маня, – и не

дурочка. Наивная немного, но это проходит. Не пропадет там. И Темирхан присмотрит... Главное, чтоб сама захотела.

– Да ей там даже жить негде!

– Я с Темирханом поговорила, он сказал, что жильем на первое время обеспечит. Ну а если все сложится, то и с ипотекой поможет. Свои же люди, не чужие. Майка! Да ты-то чего сидишь бревном? Не хочешь, что ли?

Я отмираю и бешено начинаю кивать, словно взбесившийся китайский болванчик.

Хочу! Очень хочу!

Ужасно боюсь, но и ужасно хочу!

И в этот момент я совсем не думаю о неистовом, грубом поцелуе Темирхана... Ну, может, чуть-чуть...

Москва

Курский встречает людской суетой.

Я на мгновение теряюсь, в какую сторону идти, затем двигаюсь со всеми остальными пассажирами в сторону перехода в метро.

В последний раз в Москве я была с мамой и отчимом. На Красную площадь ездили посмотреть, погулять, на кораблике по Москва-реке покататься. В итоге нас с Сашкой забросили в одну из игровых зон в «Меге», где не надо следить за детьми родителям, а сами умотали куда-то. Я осталась с сестрой, которой тогда около пяти было, а мне, получается, двенадцать? Ну да, что-то около того. Я тогда еще говорила.

Мы устали кататься с искусственных горок и нырять в бассейн с шариками примерно через два часа. Сашка начала ныть, проситься в туалет и поесть, и, если с первым я могла ей помочь, то вот со вторым... Нам не оставили денег, звонить мама запретила, только разве что катаклизм случится.

Короче говоря, остаток времени мы провели с сестрой, обнявшись и бессмысленно пялясь в стекло, отделяющее игровую зону от коридора торгового центра.

Я, помнится, в тот момент ощущала себя обезьянкой в

зоопарке.

Мы сидим взаперти, а вокруг ходят и пялятся на нас люди...

Было невероятно тоскливо и тревожно. Почему-то мне казалось, что нас бросили. И Сашка ныла о том же самом. Ей тоже казалось...

Мама с отчимом вернулись уже под самое закрытие, забрали нас, голодных и несчастных, отвезли обратно на вокзал и запихали в поезд. Вот такая чудесная поездка получилась...

В этот раз я здесь одна. В равнодушной толпе, которой нет до меня никакого дела.

Ничего нового, да?

Подхватываю небольшую сумку с вещами, иду мимо терминалов, ниже, в метро. Надо еще купить жетоны на метро... Как они, хоть, выглядят сейчас?

Незнакомая обстановка пугает, конечно, но не прям чтобы слишком.

В конце концов, у меня еще есть время.

Встреча в офисе с Темирханом Анваровичем Булатовым только в обед, а сейчас нет и десяти. Все успею. И в порядок

себя надо привести... Хорошо, что сейчас с этим нет проблем, в любой туалет любого торгового зайти – и спокойно переодевайся... И на вокзале, наверно, есть, но я что-то не рискую.

В итоге, разобравшись с оплатой поездок на метро, выясняю дорогу до Москва-сити. Именно там находится офис «Булатстрой», компании, в которой мне предстоит работать. По крайней мере, я на это надеюсь.

А еще, не удержавшись, в очередной раз обкатываю на языке имя ее собственника, главного держателя акций и генерального директора.

Темирхан Анварович Булатов.

Тяжелое. Какое-то... Средневековое. Словно у монголо-татарского хана. Он и сам чем-то напоминает монгольского воина. Я видела их на картинках и даже рисовала. Настоящие монголы очень высокие, огромные просто. Словно камни-валуны.

Тетя Маня, говорила, что они с Темирханом – дальняя родня. Он из сибирских татар, но давно уже обрусевших и совершенно не соблюдающих традиций. Его отец женат на русской, долго и счастливо. Его братья – вообще не торопят себя связывать узами семьи.

«Гуляют, охальники», – как метко выразилась тетя Маня.

А старший, Темирхан, уже пятнадцать лет руководит строительным холдингом, который основал сам, без помощи родственников. Да и семья там небогатая совершенно. Его

отец – военный, сейчас в отставке, живет в небольшом городке в Сибири и переезжать в Москву не планирует. Большая часть семьи – там.

А вот Темирхан с младшим братом – в Москве.

Брат его, тридцатилетний Тимур, работает у него в холдинге на какой-то должности, вроде руководящей, но не главной. Не дает ему старший брат воли.

Все это я узнала за те три дня, что собиралась в Москву. Специально ходила к тете Мане, чтоб она поподробней рассказала про Темирхана.

Она и рассказала. Много чего, видно, очень гордилась своим, таким богатым и щедрым родственником, решившим помочь бедной девушке.

Мне оставалось только слушать, да по полочкам раскладывать информацию. И стараться сдерживать бушующее внутри ощущение полета. И предвкушения чего-то совершенно невероятного.

Мгновенно на второй план отошли мои проблемы в деревне, все мерзкие слухи, которые, конечно же, не прекратились в одночасье, вообще перестали волновать. Словно я уже была не здесь. Словно я уже на порядок выше. И смотрю так же на все. Свысока.

Меня все эти три дня терзали одновременно страх, вос-

торг, счастье и опасения. Я ходила, словно дурная, с «бешеными глазюками», по меткому выражению бабушки, и мало реагировала на внешние раздражители.

Моя жизнь, только что казавшаяся беспросветной, лишенной красок и полной нескончаемого позора, неожиданно расцвятилась всеми красками радуги.

Я даже рисовать опять начала, предвкушая то, что скоро будет.

Москва! Новая работа! В таком холдинге! Я погуглила название, прочитала вывалившиеся ссылки и пришла к выводу, что там нечто масштабное.

Компания «Булатстрой» в основном занималась строительством новых жилых комплексов по России и ближнему зарубежью. Причем, как малоэтажных, так и высотных. И дальше, после сдачи объекта, я так поняла, что жители на произвол судьбы не оставлялись, а организовывалась управляющая компания, от того же холдинга, занимавшаяся полностью поддержанием жизнедеятельности комплекса.

Короче говоря, такой монополист в своей сфере, отвечающий за качество. Какую работу я там могу выполнять?

Да, Боже мой, без разницы!

Я посмотрела вакансии холдинга и поняла, что там даже уборщицы очень неплохо зарабатывают. Не как на одном из-

вестном предприятии, обеспечивающем газом всю страну, но тоже много. По крайней мере мне, привычной к владимирским зарплатам, особенно у молодых специалистов, казалось, что это что-то запредельное.

Но даже это было не главным.

Главное я скрывала даже от себя самой с особой тщательностью и пока не готова была признавать очевидного.

Нет.

Хватит того, что Москва, новая работа, новая жизнь...
Хватит.

Рядом с метро «Выставочная» находится небольшая пиццерия, с вполне демократичными ценами. Я заказываю себе через терминал кусочек самой дешевой «Маргариты» и кофе.

И, пока готовят заказ, спешу в туалет, переодеться и привести себя в относительный порядок.

У меня нет особых нарядов, но строгие брюки и светлая рубашка имеются, естественно. И туфли на невысоком каблучке, тоже вполне приличные. Конечно, не мешало бы волосы вытянуть, укладку сделать, чтоб казаться солиднее, взрослее. Привлекательнее.

Ловлю себя на последней мысли и краснею. Разглядываю в отражении взъерошенного воробья с тонкой шеей и крас-

ными пятнами на щеках. Ох, я же на встрече с Темирханом... Анваровичем, так странно его по имени-отчеству называть, непривычно... Я же, когда его увижу, покраснею похлеще. Или вообще не смогу никак среагировать. Хорошая же буду! Мало того, что немая, так сейчас полное ощущение слабоумной произвожу. Прямо дополняю образ качественно.

Ополаскиваю лицо, провожу мокрыми ладонями по волосам, пытаюсь чуть-чуть пригладить непослушные дурацкие кудри.

Конечно, это не помогает совершенно.

Но делать нечего, работаем с тем, что есть. В конце концов... Он, может, и не вспомнит...

Сердце от одной только этой мысли замирает.

Хочу я, чтоб он не помнил? Или нет? Не знаю. Видит Бог, не знаю!

Вся в раздрае, выхожу из туалета, забираю свой заказ и быстро ем. Совершенно без аппетита, на нервах вся, сердце лупит по ребрам так, что даже больно, и в центре груди – словно комок, из-за него дышать трудно.

Но мне надо немного успокоиться и, одновременно,

взбодриться.

Впереди самое важное.

Я не могу ошибиться. И тут не важно, помнит меня генеральный директор «Булатстрой», или давно забыл, как смешной и малозначимый эпизод из своей жизни.

Я не собираюсь напоминать, не собираюсь ни на что претендовать, упаси боже!

Я только хочу не упустить свой шанс.

Выдыхаю, перекидываю через плечо дорожную сумку, радуясь, что она такая небольшая и вполне сойдет за массивную дамскую, и, твердо печатая шаг, выхожу из пиццерии.

Я готова, я полностью готова.

Черт...

Готова.

Как там, в том фильме?

Москва не верит слезам?

Вот и не будем плакать.

В любом случае.

Встреча

«У меня встреча с Булатовым Темирханом Анваровичем».

Девушка на ресепшен, выше меня более чем на полторы головы, красивая, как модель, и такая же далекая, вскидывает брови, когда я ей показываю сообщение в телефоне.

Читает, затем переводит взгляд на меня, дежурно улыбается:

– У вас назначено?

Киваю.

– Ваши документы, пожалуйста.

Отдаю ей паспорт, она вбивает информацию в стоящий внизу, за пределами видимости посетителей, ноутбук, проверяет.

– Да, Майя Викторовна, проходите, пожалуйста. Двадцатый этаж, там вас встретят.

У меня вырывается вздох облегчения. Оказывается, все то время, что она искала информацию обо мне в своих записях, я не дышала. Так страшно, Господи!

Сразу миллиард мыслей в голове: вдруг, не оставил информации на ресепшен, вдруг передумал, просто забыл, упустил из виду? Что делать в таком случае? Что? Писать ба-

бушке? Тете Мане?

И все это под насмешливыми изучающими взглядами холеной девушки с ресепшен и охранников, ненавязчиво стоящих неподалеку... Позорище...

Но первый бастион оказался не бастионом, а просто легким препятствием. Ох, пусть и дальше все так же легко будет! Пусть!

Иду к лифтам, ориентируясь по указателям и стараясь не слишком глазеть по сторонам.

Хотя, конечно, есть на что.

Вестибюль роскошен. Строгий хром, натуральные породы дерева, никакого дешевого пластика, живые цветы, в зоне ожидания – удобные диваны, очень чисто и ухожено. И народ вокруг ходит такой же. Очень ухоженный и деловой.

Мне кажется, что я, со своей черно-белой скромной гаммой в одежде и красными пятнами на щеках, похожа на дворняжку, случайно затесавшуюся на выставку породистых собак.

Ловлю себя на таком уничижительном сравнении и злюсь.

Глупости это все.

Сейчас мир другой, и миллиардеры спокойно носят секунд-хэнд и ездят в общественном транспорте. Правда, не у нас, но все равно.

Это есть.

Так что, мне тоже нечего переживать по такому глупому поводу.

Я не лицом сюда торговать пришла.

Выпрямляюсь, задираю подбородок, захожу в услужливо раскрывшийся лифт. Тут внутри тоже все очень стильно. Огромное зеркало во всю стену.

Смотрю на себя, стараясь придать лицу такое же безмятежное выражение, как и у других пассажиров лифта.

Их трое. Две женщины и мужчина.

Все невозможно стильные, в строгих костюмах, со скромными прическами. У женщин – очки в цветных оправках. У одной – благородный оттенок красного, у другой – темно-зеленый. Красиво.

Мужчина высокий, с четким пробором на идеально выстриженной голове и очень ухоженной бородой.

На их фоне у меня опять падает самооценка, хочется нервно пригладить волосы, складки на брюках, они явно криво сидят, мешковато как-то, и по рубашке видно, что цена ей – триста рублей в магазине демократичных цен... Суета должна успокоить, наверно, но понятно, что так будет еще хуже. Только панику дополнительную, мне совершенно ненужную сейчас, наведу и ничего не поправлю во внешнем виде. Потому я перестаю пялиться на пассажиров лифта, упорно отвожу взгляд от зеркала и смотрю на мигающее табло, отсчитывающее этажи.

Успокаивает.

Двадцатый.

Выхожу, тут же понимая, что девушка с ресепшен не обманула.

Меня и в самом деле ждут.

Молодой мужчина, в строгих брюках, непонятно, каким образом обтягивающих его ноги, словно вторая кожа, такой же строгой, но супер обтягивающей рубашке, позволяющей увидеть идеальные мускулы на руках и груди.

Ухоженная бородка и прическа дополняют образ.

Черт, похоже, что здесь все выглядят лучше меня...

– Добрый день, Майя Викторовна, – улыбается встречающий, демонстрируя, что и с зубами у него полный порядок, – я – Роман Степанович, начальник отдела дизайна интерьеров, можно просто Роман. Мне вас поручили встретить и провести к боссу.

Я смущенно киваю, достаю телефон, чтоб написать ответ, но Роман останавливает меня жестом.

– Не надо, меня предупредили про... Небольшую особенность в коммуникации. Ответ можно не писать, если это просто вежливость.

Опять киваю.

– Ну тогда, пойдёмте быстрее к боссу, у него времени мало совсем, надо успеть.

Он разворачивается и быстро идет по коридору.

Я лечу следом, краснея, потея и периодически оступаясь.

Черт, корова на льду! Если кто со стороны смотрит, это прямо смех, да и только!

Коридор недлинный, плавно расширяется, выливаясь в большую приемную, очень светлую, с мягкими диванами, низкими столиками и изящно отгороженной секретарской стойкой.

Секретарша, безумно красивая темноволосая девушка в строгом костюме, видит Романа, улыбается ему с такой го-

товностью, словно он – самый лучший ее друг. Переводит взгляд на меня, улыбается с не меньшей лаской.

Понятно, вот что значит тренировка...

– Это Майя Казаринова, босс ее ждет, – коротко информирует Роман, и секретарша кивает.

– Сейчас предупрежу.

Голос какой воркующий... Блин... Тут все идеальные! Куда меня занесло?

Секретарша встает, идет к массивной двери, такой же светлой, как и все остальное здесь, музыкально стучит и заходит.

Через полминуты появляется и молча открывает дверь, приглашая зайти.

Роман идет первым, и это хорошо.

Я ловлю себя на желании сжать покрепче сумку и выставить ее перед собой, словно защищаясь, но тут же перебарываю этот идиотский порыв. Выпрямляюсь и следую за Романом.

– Темирхан Анварович, встретил, как вы и приказывали, – бодро говорит Роман, а я несмело выглядываю из-за его спины.

И замираю.

Кабинет большой, в противовес приемной, дизайн у него выполнен в темных тонах и хrome, смотрится совершенно мужским и холодным. Мрачным. Давящим.

Как и сам директор, сидящий за столом.

Я так пялюсь, что, кажется, даже дышать забываю.

Мысли скачут, словно белки, и одна, особо настойчивая, прямо на поверхности: если бы я его увидела тогда в деревне... таким, то сто процентов бы не просто в обморок упала, но еще и, пожалуй, опять говорить бы начала.

Психотерапевт упоминал что-то про лечебный стресс...

Вот тогда бы он и был, стресс.

В мужчине, сидящем за директорским столом, нет ровным счетом ничего от того, грубого, пугающе-привлекательного, брутального до невозможности байкера, который шумно умывался ледяной водой во дворе тети Мани.

Нет ничего от того благородного рыцаря, спасшего попавшую в беду простушку из рук насильника.

И уж тем более далек он от того зверя, жадно и грубо целующего деревенскую девчонку прямо на улице душной летней ночью...

Сейчас передо мной сидит... Босс. Огромный, мощный, невероятно холодный мужчина, с нечитаемым выражением лица и жестким взглядом.

Он кивает Роману и молча медленно осматривает меня,

не меняя позы и не делая попытки подняться.

Его взгляд ощущается , словно что-то материальное. Сканирует, изучает, на составляющие раскладывает.

Я как будто себя со стороны вижу.

Маленькая, тощая, рыжая. С пятнистыми щеками, дурными глазами и дешевой одеждой. Невыносимо пахнущая провинцией.

Он... Он вообще помнит меня? Он помнит, как целовал? Как трогал?

Что чуть было не сделал со мной совсем недавно?

Судя по совершенно спокойному, маловыразительному лицу... Нет.

– Добрый день, Майя, – здоровается Босс, наконец, и голос его – единственное, что кажется знакомым в этой ситуации.

«Тебе чего, козочка?», – тут же вспоминается его первая фраза, обращенная ко мне.

И следом: «Прости меня... Иди в дом скорее...»

Ох...

Внутри все сжимается невероятно сильно, пульсирует так, что становится тяжело дышать.

Сердце колотится, ноги слабеют...

Майя, мать твою! Только не опять!

Злюсь и тут же немного прихожу в себя.

Оказывается, умудряюсь настолько сойти с ума от своих ощущений, что едва не пропускаю его вопрос.

Удивленно хлопаю ресницами, понимая, что Темирхан ... Анварович что-то успел спросить, а я успела его фразу мимо ушей пропустить.

Хороший же я специалист! Прекрасный просто!

Сейчас мне на дверь укажут и будут правы...

Босс видит мой испуганный взгляд и терпеливо повторяет, как для идиотки, которой я, несомненно, сейчас и являюсь:

– Я спрашиваю, как ты доехала? Все хорошо?

Киваю быстро и мелко. Несколько раз.

Да-да, все хорошо, все великолепно...

Ох, я и дура...

– Ну вот и отлично. Я попросил Романа подготовить тебе рабочее место, пока что ты будешь работать под его началом... Роман, – он переводит взгляд на подчиненного, – все готово?

– Да, конечно, – тут же отзывается Роман, – место уже оборудовано, айтишники тоже со своей стороны все сделали...

– Хорошо. Майя, мне тетя Маня говорила, что у тебя проблемы с жильем... – он опять смотрит на меня, совершенно спокойно, доброжелательно, разговаривает ровно и дружелюбно. И так отстраненно! Это почему-то больно. Я не ждала, что он тут же, сходу... А что он тут же, сходу, глупая ты Майка? Ничего! Ничего! Уйми уже свою больную фантазию!

Он делает паузу, и я, догадавшись, что от меня ждут какой-то реакции, опять торопливо киваю.

– У нас на двадцать пятом есть гостиница, она для командированных из регионов и партнеров. Тебе выделяют номер. Пользуйся столько, сколько будет необходимо. По обязанностям и условиям тебя проинструктирует Роман. Вопросы есть какие-то?

Отрицательно мотаю головой.

Никаких.

Вообще никаких!

А, особенно, нет вопросов по поводу состояния вашей памяти, Темирхан Анварович! И я не собираюсь интересоваться, помните ли вы меня и что вы по этому поводу думаете...

Вообще не собираюсь...

– Хорошо, тогда не буду задерживать, – он кивает, давая понять, что аудиенция окончена, Роман разворачивается, прощается и открывает дверь, сторонясь, чтоб пропустить меня в приемную.

Я делаю несколько шагов из кабинета, но, уже на пороге, оборачиваюсь... зачем-то.

И натываюсь на черный, жесткий, жадный взгляд Босса.

Именно такой, каким он смотрел на меня тогда, в темноте ночи, приказывая идти скорее домой...

Крупная дрожь бьет по телу, я изумленно раскрываю рот, понимая, что он тоже все помнит! Он помнит! И, более того, он испытывает...

Но тут Босс перехватывает мой взгляд, усмехается еле заметно и спокойно отворачивается к ноутбуку, выглядя так, словно и не было ничего.

Словно мне почудилось все. И этот взгляд, да и та ночь тоже.

Я все-таки спотыкаюсь, Роман быстро подхватывает меня за локоть и буквально силой выводит из кабинета Босса, хлопывая за нами дверь.

После этого отпускает, поправляет полураспушенный галстук, стильно смотрящийся на мощной шее.

– Черт... Это было напряженно! – улыбается он, выдыхая.

И я только теперь понимаю, что Роман, пожалуй, волновался в кабинете директора не меньше моего.

По крайней мере, сейчас он выглядит выжатым не на шутку.

– Майя, можно мне тебя так называть? – киваю, – и на «ты» давай уже сразу, раз такое дело.

Опять киваю.

– Пошли. Покажу тебе стол, объясню по обязанностям. Босс мне говорил, что ты закончила что-то художественное?

Я киваю, тянусь за телефоном, но Роман останавливает:

– Не надо, потом. Будешь оформляться, все покажешь эйчарам. Они внесут в базу.

Он топает вперед, выводя меня из приемной, успеваю только кинуть взгляд на совершенно безразличную к нам секретаршу и торопливо бегу за Романом.

Он по пути быстро рассказывает мне, что где находится,

а я, слушая, все же не могу отделаться от мыслей о том, что только что произошло в кабинете босса.

Показался ли мне его взгляд? Может, это просто игра воображения?

Сглатываю, пытаюсь представить, что так и есть.

Это больно, но безопасно.

А если нет...

То что мне делать?

Темирхан. Две ошибки Биг Босса

Дверь за моим подчиненным и рыжей козочкой закрывается, а я еще какое-то время старательно изучаю условия от новых поставщиков, которые мне все подсовывает отдел закупок. Настолько упорно, что я уже успел натравить на них СБ, потому что не просто так все.

Явно присутствует откат. Это, в принципе, для нашей сферы вообще не новость, а уж закупщики таким грешат повсеместно, но надо и совесть иметь. Особенно, если не на госструктуру работаешь.

Я им не в пример больше плачу.

Могли бы и побережся.

Но как всегда, со временем у любого специалиста приходит осознание своей невъебенности, а еще полное понимание, что он, специалист, может творить любую дичь и его никто не поймает за руку.

В этот-то момент их обычно и ловят.

Так что СБ заряжено, Тимурка пусть потрудится, для разнообразия. Не все ж ему по злочным местам жопу просиживать.

Мысли о брате очень кстати, отвлекают от вопросов насущных.

Да и стояк, не вовремя организованный рыжей козой, умирят на раз.

Я в очередной раз задумываюсь о совершенно ненормальной реакции организма на совершенно неподходящий объект, пытаюсь по привычке анализировать ситуацию.

Но выходит херовато.

И есть у меня ощущение ошибки. Серьезной ошибки, допущенной мной сейчас.

Или не сейчас, а тогда, три дня назад, когда уступил просьбе тетки Мани и согласился приютить у себя рыжую козочку.

Не надо было.

Вернее, можно, конечно, но подальше. В одну из «дочек», например. Да даже в самом Владимире у меня офис имеется. Мы там строили ЖК, давно, правда, одними из первых, но УК наша стабильно работает. Можно было ее в офис этой УК пристроить... Ну не на дизайнерскую должность, а, например, менеджером... Или секретарем... Хотя, с ее немотой, какой ей менеджер и секретарь?

А, учитывая ее несомненный талант...

Картина, висящая в доме тети Мани была очень даже талантливо написана. Я – не большой знаток, но все же говно от палки отличу.

Если у нее с цветосочетанием такая вещь, то вполне может быть полезна в главном офисе.

Это я так себя успокаиваю, естественно, уговариваю, что никакой ошибки, захотел сиротке бедной помочь...

И когда лапал ее, той ночью, тоже помощь оказывал, конечно же. Первую. Неотложную.

Черт!

С досадой откатываюсь от стола, поправляю опять некстати поднявшееся убедительное доказательство большой ошибки, иду к окну.

Молча рассматриваю панораму Москвы.

Красиво. Очень красиво.

Темирхан, ты – на вершине мира.

Чего ж не по себе-то так?

И виновата в этом она, коза рыжая.

Прямо как-то с самого начала с ней не так пошло, как на-

до.

Меня ведь словно черт под локоть толкнул полторы недели назад, когда, возвращаясь с Поволжья, с байкерского слета, куда уже десять лет подряд каждый год в гордом одиночестве езжу развеяться и переменить обстановку, решил вернуться к тетке.

Не знаю, зачем.

Тетю Маню у нас в семье не то, чтоб не любили. Побаивались, скорее. Отец, которому она приходилась двоюродной сестрой, искренне считал ее ведьмой. И общался с ней только по необходимости.

А я как-то два лета подряд у нее провел, еще совсем пацаном. И очень круто, кстати, отдохнул. Ничего ведьмовского не заметил, нормальная женщина. Ну, ходит по лесам. Травки целебные собирает...

Что особенного?

И вот, проезжал мимо и подумал: «А почему бы и нет?»

Тем более, что в новом доме я у нее не был ни разу, тетка раньше в другой деревне жила, дальше гораздо от города,

но со временем там стало совсем сложно, вот и перебралась поближе.

Можно было бы во Владимире заночевать, но не захотелось опять на казенных простынях...

Вот и зарулил. На свою беду.

Девчонку эту, рыжую тонконогую козочку, заметил не сразу. Занят был, ополаскиваясь с дороги ледяной водой.

Только тот, кто хоть раз проводил в байкерском прикиде полный день в дороге, поймет мой кайф.

Вот и я , пока на себя два ведра не опрокинул, не успокоился.

Третье пошло медленно. С растягиванием удовольствия.

Краем глаза заметил движение, повернулся...

Сначала показалось, девочка совсем, невысокая, тоненькая. Обычная такая. Стоит, глаза вытаращив.

Ну, тут ее реакция понятна и простительна.

Я с дороги зарос сильно, щетина уже превратилась в черную бороду, на голове – черти что.

Да еще и полуголый, весь изрисованный.

Любая испугается.

Вот и девчонка начала падать.

Ну а я – хватать. Рефлексы же. Никуда их не денешь.

Она легкая такая была, козочка рыжая. Тонкокостная. И очень бледная.

И кожа такая... Нежная очень. Последнее ощущение было не ко времени, и потому я постарался на него забыть.

Отнес девчонку в дом, попытался привести в чувство, ругаясь про себя впечатлительности деревенских барышень.

Хотел уже за теткой бежать, но тут козочка ресницы распахнула...

И я замер, словно загипнотизированный.

Глаза у нее были серо-зеленые, словно вода в ставке, здесь, неподалеку. И безумно растерянные. Нежная кожа, бледная, без веснушек. Губы, полураскрытые, розовые. Словно в трансе, я провел пальцем по нижней губе, подат-

ливо раскрывшейся под моим напором. . .

Я не мог поверить в происходящее, словно от реальности отключился. Девушка, похожая на рыжую, тонкокостную русалку, завораживающе красивая и бледная, была словно не из этого мира, словно появилась она, из солнечных лучей соткавшись, прямо из воздуха.

Упала в мои лапы.

И сейчас полностью была в моей власти. Я мог ее трогать. Мог проводить пальцами по тонкой коже.

Мог целовать.

На этой мысли у меня в голове что-то сдвинулось на место, я осознал, где нахожусь и с кем, и попытался наладить контакт.

Но и тут потерпел неудачу. Девушка оказалась немой.

Она неожиданно подскочила и шустро ускакала прочь, так быстро, что я только моргнуть успел.

В сенях она столкнулась с теткой, та что-то спросила, но, судя по всему, задержать козочку не удалось.

Я так и остался сидеть в комнате, глупо моргая и глубоко переживая свое охерение.

Потому что в первый раз со мной такое случилось, чтоб голова отключилась. Из-за женщины. Нет, не женщины. Рыжей козочки. Солнечной русалки.

К тому моменту, когда тетка появилась на пороге комнаты, я уже мог связно разговаривать.

Ну и поговорил.

Тетка легко, по паре наводящих вопросов, выдала всю историю девушки, так удачно упавшей в мои руки.

Соседская внучка, приезжавшая каждое лето в деревню. И в самом деле, немая, но не глухая. Вполне интеллектуально состоятельная. Художница, учится на дизайнера. Картины красивые пишет.

Я слушал, приходя в себя постепенно и не понимая, что на меня, собственно, нашло.

Ну красивая девушка, да.

Но в моей жизни много красивых девушек. И даже красивее, чего уж там. Было и есть. И, надеюсь, будет.

Непонятно, чем эта зацепила. Наверно, просто неожиданно все произошло, не был готов.

После дороги, да на адреналине от трех ведер воды... Вот и повело чуть-чуть.

Глупостей не наделал, и на том спасибо.

А то хорош бы я был, если б полез к девчонке, вдвое младше. Хорошо, хоть восемнадцать есть, хотя на вид и не скажешь... И это – еще один плохой звоночек. Раньше не западал на настолько мелких девушек. Всегда поопытнее любил, повзрослее. Чтоб знали, чего хотят, и не приходилось подолгу уламывать.

При моем графике, на свидания, ломания и прочий бред времени не было.

Да и отсвиданничался уже, хватит.

С бывшей женой, как идиот...

Мысли про Сабрину, мать ее, не добавили настроения, и я предпочел переключиться на вкусную теткинскую еду и здоровый сон на вольном деревенском воздухе.

И мне это вполне удалось.

А вот вечером...

Вечером того же дня, выспавшийся и довольный жизнью, я поперся на ставок.

Ну а почему бы не воспользоваться всеми благами деревенской жизни, раз уж удалось ее так нечаянно хапнуть? Потом весь год впахивать...

Короче говоря, сел я еще засветло на байк и помчал к ставку. Там кинул своего приятеля прямо у воды и с разбегу запырнул в теплую, словно молочную воду.

Долго плавал, отфыркиваясь, как морж, потом так же долго просто лежал на воде, глядя на уже темное, как бывает только в деревне, звездное небо, как никогда ощущая себя мелкой частью огромной Вселенной.

Время словно остановилось, мысли текли ленивые и спокойные.

Где-то вдалеке плескались рыбы, и мне на мгновение представилось, что это русалка утренняя хвостом бьет по воде. У нее мокрые волнистые волосы, высокие небольшие грудки, с острыми каплями сосков. Их, наверняка, сладко облизнуть, покатать на языке, прикусить...

Осознав, что мысли опять ушли не в ту степь, я досадливо развернулся и поплыл к берегу. Надо уезжать отсюда. Вот рано утром и рвану, по холодку. Сразу до Москвы.

А там звякну Вике, потому что спермотоксикоз налицо.

Пока вытирался и одевался, услышал какое-то шебуршание неподалеку, в кустах.

Не знаю, что меня туда понесло, до сих пор не знаю.

Но понесло.

И вынесло.

На обжимающуюся парочку.

Я бы, может, и мимо прошел, не в моих правилах молодежи мешать, но что-то в позе девушки не понравилось. Да и парень как-то уж очень сильно борзел.

Пригляделся, узнал утреннюю русалку... И еще пристальнее пригляделся...

Не убить на месте уroda мне удалось только благодаря многолетней тренированной выдержке.

Ну и благодаря козочке, конечно же. Она так цеплялась за меня, выглядела такой испуганной, с этими глазами огромными, в пол лица, что я просто не стал заморачиваться с уродом, решив, что потом все равно достану.

Кстати, достал, да. Не забыл все же, как в Москву вернулся.

Но в тот момент мне было важнее унести оттуда испуганную девчонку.

Я и унес, и спокойно проводил до дома, рассчитывая убраться поскорей обратно к тетке. То, что Майя была против моего вмешательства в судьбу этого утырка, я во внимание принял, конечно же. Но вот позволять ей решать этот вопрос не собирался.

Просто не стал волновать.

Она и так за этот вечер получила по полной. Испуганная, с кровью на губе, дрожащая...

Только урод мог поступить с ней так, как хотел тот деревенский дурак.

И я.

Я не хотел, правда. Думал, конечно, об этом, пока нес, пока ощущал ее тело тонкое в руках. В своей власти. Это, бляха муха, будоражило дико.

Но в любом случае, не собирался.

И, если б она сама не качнулась ко мне, если б сама не

поцеловала... Да и то, я держался. Хотя обожгло. Голову заволокло моментально.

Меня часто целовали женщины.

Не скажу, что пиздец, какой привлекательный, но от недостатка внимания не страдал. Особенно, как стал миллионы зарабатывать. И затем сотни миллионов.

Это, знаете ли, афродизиак почище любого другого.

Так что да, женщины меня целовали. Первыми. И висли. И на колени опускались по первому нажатию на плечи. А чаще всего, и нажатия не требовалось. Все люди взрослые, все прекрасно понимаем...

Потому я так и не понял, что меня тогда торкнуло.

Ее прохладные губы на моих, неопытные касания, милая отчаянная настойчивость...

Не знаю.

Но повело меня знатно.

Настолько, что сам не заметил, как начал отвечать сначала, а затем и вести в нашем танце.

Погружался в нее, словно в свежий, чистый цветок, с охерительно убойным, отключающим разум ароматом, насытиться не мог.

Настолько сошел с ума, что забыл, где я, опомнился немного, когда уже она на руках моих была, доверчиво раскрытая и дрожащая, а лапы мои с упоением исследовали все, доставшееся им так легко, сокровище. И категорически не желали расцепляться.

Буквально насильно заставил себя отпустить. Оттолкнуть доверчиво льнущую ко мне русалочку.

И прогнать.

Сам не помню, что говорил, буквально из последних сил хрипел, уже в голове своей умоляя ее уйти, просто развернуться и убежать.

Потому что на краю стояла, по нити тонкой ходила.

Потому что еще чуть-чуть, и похер мне было бы на время и место. На свою репутацию и возраст.

На все, кроме ее податливых губ и тонкой, ломкой талии в своих лапах...

Козочка послушала, быстрой тенью ломанулась к дому.

Видно, страшен я был, как черт.

Ну и правильно. Правильно.

Я проследил волчьим взглядом за тонкой фигуркой, постоял, подышал, приводя себя в порядок. И уговаривая не бежать за ней, не заходить зверем диким в дом. Не хватать ее, мягкую и теплую, прямо в ее комнате. Не вгрызаться в беззащитную шею жадно и безжалостно.

Короче говоря, не творить зверства.

Было сложно, пришлось даже закурить, чего уже давненько не делал.

Но я смог.

Сумел.

Ушел в дом к тетке, а утром, заведя байк, свалил из этой чертовой деревни, с одним только желанием: забыть навсегда о том, что тут было.

И забыл, правда забыл. Звякнул только, спустя пару-тройку дней, как в рабочий ритм вошел, во Владимир, местному главному менту, попросил посмотреть за парнем Григорием Весовым. Имя мне тетка назвала, еще когда у нее был. По-

просил не просто посмотреть, а пристально.

Связи у меня в тех местах, где наши ЖК серьезно оттоптались, были неплохие, мент оказался понятливым. Парнишка Григорий, любитель обижать беззащитных девочек, не скоро в больничной койки встанет, об этом я позаботился. Обо всем остальном позаботится тот, кого я попросил поучаствовать в его судьбе.

Работа закрутила, как всегда, после даже недолгого отсутствия босса на рабочем месте, все немного расхлябались и ощутили свободу. Совершенно излишнюю. Особенно ощутил ее мой братишка, судя по всему, весело проведший эти три недели по московским клубешникам.

И это вместо работы!

Короче говоря, я был сильно занят всю неделю и, когда позвонила тетка, даже не понял сначала, о ком она.

А когда понял...

Ну, во-первых, разозлился, да так, что трубка в руке треснула.

Твари какие, ну надо же! Нет, никогда не надо слушать женщину! Отправил бы урода сразу в полицию, ни у кого вопросов бы не возникло к немой русалочке.

Ошибка моя, очередная ошибка!

Находясь под впечатлением от первой новости, я проворонил вторую. И согласился помочь «сиротке при живой матери».

И только сегодня, глядя в серо-зеленые, русалочьи глаза, осознал, что опять ошибся.

Не надо было ее сюда звать...

Пусть бы во Владимире... Подальше от меня.

В безопасности.

Новая работа

– Вот, смотри, это твой комп, он не очень мощный, сама понимаешь... Самые мощные у нас только у дизайнеров, а ты пока что лишь помощник. По обязанностям чуть позже, но там ничего особенного, сначала пару заданий тестовых выполнишь, чтоб я понимал уровень владения прогами, хорошо?

Киваю.

– Дальше, – Роман приглашает меня сесть за моей рабочее место. Сажусь. – У тебя вообще опыт работы есть?

Киваю, быстро набираю текст на телефоне: « Фриланс, есть примеры работ, могу выслать»

– Не надо, – чуть морщится Роман, – я на тестовом все увижу. Наши айтишники завели тебе новую учетку, смотри, здесь все пароли. Я к тому спросил, чтоб понимать, имеешь ли ты понятие о корпоративной этике... Стиле работы в большой компании... Не имеешь. Ну ничего, научишься. Пока что изучай то, что есть, на рабочем столе все нужные тебе для ознакомления папки. Сегодня больше ничем грузить не буду, в конце рабочего дня придет Алиса, это наш эйчар, заберет твои доки и даст ключ от номера в гостинице.

На втором этаже здесь, в здании – вполне нормальное кафе, там можно завтракать, обедать и ужинать даже, скажешь, что ты из «Булатстрой», будет скидка тридцать процентов на

все меню... Так, что еще? Наверно, пока все. Мы общаемся в корпоративном чате, ты туда уже добавлена. Знакомься со всеми, общайся.

Он еще раз сверкает идеальным белым оскалом и стремительно выходит из кабинета.

А я остаюсь. Под прицелом взглядов четверых коллег, из которых только одна девушка. Остальные все парни.

Девушку зовут Аня, а парней... Черт... Не запомнила никого, кроме Василя...

Роман в самом начале познакомил, конечно, представил меня, но я, все еще находясь под впечатлением от встречи с Биг Боссом, как называет его сам Роман, ничего толком не запомнила.

И теперь, ежась от внимательных взглядов своих будущих (ох, черт! настоящих, конечно, уже настоящих!) коллег, нахожу в себе силы только неуверенно улыбнуться.

Вижу, как в ответ улыбается Аня, затем встает и идет ко мне.

– Привет, я – Аня, – еще раз представляется она, лучась дружелюбием. Остальные парни, а они именно парни, старше тридцати, по-моему, нет ни одного, да и выглядят именно, как молодые ребята, все красивые, на стиле, со стрижками и бородками, внимательно наблюдают за нами, не спеша

делать шаги навстречу.

Киваю, торопливо набираю в телефоне: «Майя, приятно познакомиться».

– Ты не говоришь, но слышишь, – Аня не спрашивает, просто констатирует факт, – тогда смотри, нам будет легче общаться в беседке. У нас есть своя, только для нашего отдела.

Она быстро щелкает мышкой, открывая окна на моем компьютере:

– Вот, я тебя добавила. Если будет что-то нужно, спрашивай, не стесняйся. И отвечать можешь там же. Мы все будем видеть, а кроме нас, никто. Хорошо?

Киваю.

– Ну все, тогда располагайся, изучай все, что сказал Роман, он потом спросит обязательно.

Опять киваю, аккуратно кладу сумку на пол рядом со столом и сразу же принимаюсь делать то, о чем распорядился руководитель.

У меня, конечно, нет опыта работы в крупных корпорациях, да и вообще ни в каких корпорациях нет опыта, но что такое начальство и дедлайн, я в курсе. Во фрилансе этому в первую очередь учатся.

Остаток рабочего дня проходит плодотворно. Документов много, я их изучаю добросовестно, стараясь запомнить, что к чему относится и как сочетается. Выходит не очень хоро-

шо, хотя мне скинули и классическую презентацию холдинга, которую, как я понимаю, на сайт выставляют и рассылают потенциальным партнерам и клиентам. То есть, самое элементарное.

Там имеется даже схема, с количеством отделов в основной фирме холдинга, дочерних компаний, составом персонала, руководителями, заместителями и прочим.

Информации очень много, и, с непривычки к такому, воспринимается тяжело.

Но я стараюсь.

Изучаю историю холдинга, основных учредителей.

Учредителя.

В презентации есть его фото. И там Темирхан Анварович выглядит очень презентабельно, хоть и совершенно недружелюбно.

Клянусь, если б не видела его в простых джинсах и футболке, и даже без нее... Вообще бы не сумела представить ни в чем, кроме классического, запредельно дорогого костюма.

Взгляд Биг Босса жесткий, колкий. И монголоидный разрез глаз очень даже подходит воинственному и недружелюбному образу.

Странно даже, что он может быть другим...

Если это, конечно, не причуды моей памяти и воображения.

После презентации я изучаю все рекламные материалы, прикидывая, с чем мне придется работать.

Вряд ли меня пустят к дизайну интерьеров, хоть и посадили именно сюда. Скорее всего, буду помогать ваять какие-нибудь буклеты, может, оформлять рекламные предложения... Ну, или чем у них еще занимаются ассистенты? Надеюсь, не кофе приносить на весь отдел. Хотя, если это будет входить в должностные обязанности... Да, наверное, даже если и не будет...

Отвлекаюсь на некоторое время, обдумывая свое поведение в случае подобных требований. Наверно, все же , нет... Не буду такого делать. Это как-то... Унизительно.

Тут же спохватываюсь, вспоминая , сколько тут платят уборщицам, и что , пока ехала сюда, готова была на любой вариант. А тут – ну надо же, Майка-гордячка! Посадили тебя к дизайнерам, а ты и возомнила о себе!

Конечно, не стоит раньше времени вообще на эту тему думать. Как будет, так и будет.

Но свою должностную инструкцию я изучу досконально, само собой.

После этого опять возвращаюсь к работе.

Оказывается, холдинг – это не просто так. Холдинг – это потому что много компаний, дополняющих друг друга. Например, отдел, в котором я сижу, занимается разработкой интерьеров для квартир в строящихся ЖК. И, затем, если есть потребность, то меняет дизайн под потребности каждого индивидуального собственника. За отдельную плату, естественно. А отделкой под ключ занимается специально созданная компания, полностью укомплектованная необходимыми специалистами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.